

РАСШИРЕНИЕ ГРАНИЦ

Д. Ю. Федотов, С. А. Инкижинова, Д. В. Шкурин

Измерение коррупции в Иркутской области: социологический подход¹

ФЕДОТОВ Дмитрий Юрьевич — доктор экономических наук, доцент, главный научный сотрудник Института исследований социально-экономических трансформаций и финансовой политики Финансового университета при Правительстве РФ, Адрес: 125167, Россия, Москва, Ленинградский проспект, д. 49/2. Профессор кафедры международных отношений и таможенного дела Байкальского государственного университета. Адрес: 664007, Россия, г. Иркутск, ул. Ленина, д. 11.

Email: fdy@inbox.ru

Работа публикуется журналом «Экономическая социология» при поддержке программы «Университетское партнёрство» НИУ ВШЭ.

В статье исследуются проблемы коррупции в Иркутской области, промышленном регионе Сибири. Цель исследования — выявление факторов, оказывающих влияние на уровень коррупции в регионе. В качестве гипотезы выдвинуто предположение о том, что в настоящее время происходит институционализация коррупционных процессов в российском обществе. Для измерения уровня коррупции в Иркутской области разработана и применена методика социологического исследования уровня и характеристик коррупции в регионе. Исследование проводилось методом опроса на онлайн-панели. Было установлено, что уровень бытовой коррупции в Иркутской области несколько ниже, чем в других российских регионах, в 2022 г. она составила 13,0%. Чаще всего население сталкивается со случаями бытовой коррупции при получении бесплатной медицинской помощи и в связи с дополнительными платежами в средней школе. Среди респондентов были выявлены группы риска, у которых выше вероятность попадания в коррупционную ситуацию, а также установлен ряд признаков, повышающих склонность к совершению коррупционных действий. К признакам, которые повышают вероятность выбора коррупционной модели поведения, относятся мужской пол, старший (55–64 года) и пенсионный возраст (65+ лет), высокое материальное положение, работа в качестве индивидуального предпринимателя, фермера или руководителя. Размер деловой коррупции в Иркутской области составил 21,4% от количества респондентов, представляющих бизнес-структуры. Раскрыты цели совершения представителями бизнеса коррупционных действий. Обнаружено, что коррупция в Иркутской области закрепились в форме социального института и обладает институциональными компонентами — наличием неформальных норм и механизмов принуждения следованию коррупционным практикам. Полученные научные результаты могут быть использованы для проведения государственной политики по противодействию коррупции.

Ключевые слова: коррупция; региональная экономика; измерение коррупции; социальный институт; бытовая коррупция; деловая коррупция; Иркутская область.

¹ Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счёт бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету при Правительстве РФ.

ИНКИЖИНОВА Светлана Антоновна — кандидат социологических наук, доцент, председатель Иркутского регионального отделения Российского общества социологов. Адрес: 664075, Россия, г. Иркутск, ул. Байкальская, д. 236б/4.

Email: kiciom2014@yandex.ru

ШКУРИН Денис Вадимович — кандидат социологических наук, доцент, кафедра прикладной социологии Департамента политологии и социологии Уральского гуманитарного института (УГИ) Уральского федерального университета. Адрес: 620002, Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19.

Email: vortexinform@gmail.com

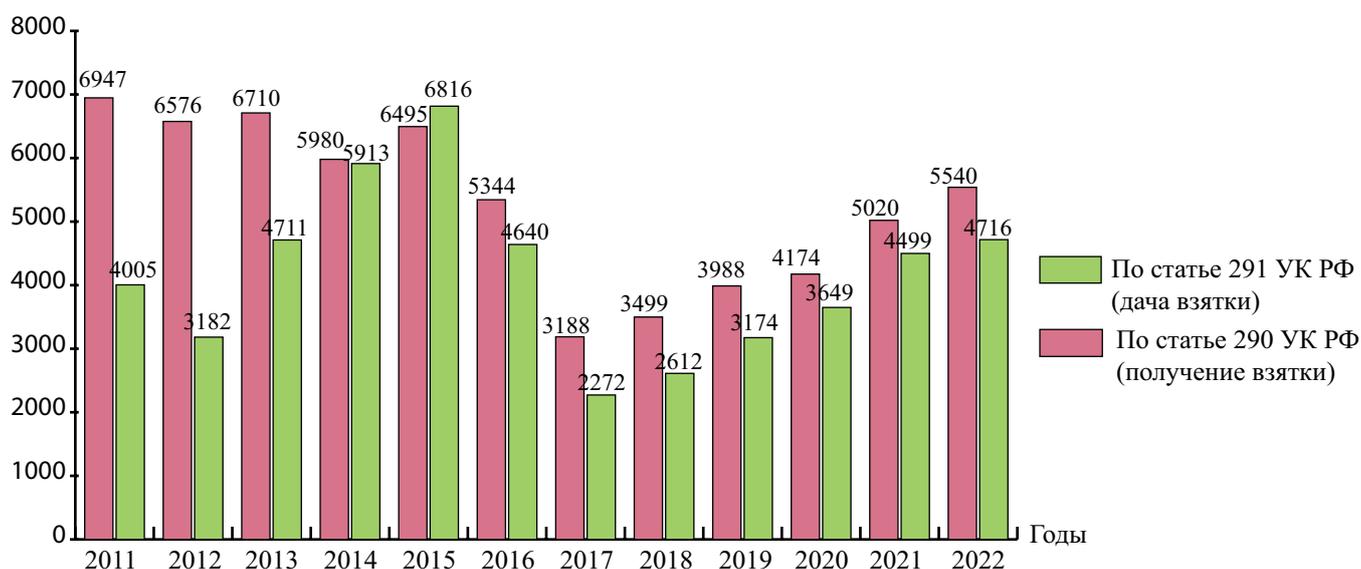
Введение

Одной из ведущих проблем современного общества является коррупция. Коррупционные явления наблюдаются во всех странах мира, об этом свидетельствуют результаты исследований многих авторов и исследовательских организаций. Укоренение коррупционных практик приводит к деградации социальных отношений между гражданами, в обществе складывается корыстный характер межличностного общения, основанный на взаимном оказании услуг с использованием возможностей и преимуществ служебного положения. Коррупция в деловой сфере обычно провоцирует стагнацию экономики, так как коррупционная модель экономики основывается не на конкуренции хозяйствующих субъектов за своих клиентов путём предложения более качественных или более доступных по цене товаров и услуг (как это принято в рыночной экономике), а на доступе к административному ресурсу, который позволяет сбывать менее качественные и более дорогие товары, получать государственные заказы и подряды, вытесняя более эффективных конкурентов с помощью административных рычагов регулирования экономических процессов, используя такие рычаги в коррупционных целях. Все это демотивирует экономических субъектов совершенствовать производственную деятельность. Следует отметить, что П. Мауро, применив индекс этнолингвистической фрагментации, выявил, что коррупция сдерживает экономический рост в стране, поскольку способствует сокращению инвестиций в экономику [Mauro 1995]. В то же время имеется целый ряд исследований, настаивающих на том, что в определённых условиях коррупция способна оказывать благоприятный эффект на экономические процессы, позволяя преодолевать бюрократические барьеры в неэффективной институциональной среде, «смазывая» экономическое колесо. В частности, С. Хантингтон утверждал, что «хуже негибкой и нечестной бюрократии может быть только негибкая и честная бюрократия» [Huntington 1968: 498–499]. В этом проявляется антибюрократическая функция коррупции, согласно которой преодоление недостатков действующих правовых норм является меньшим злом, чем сами эти неэффективные правовые нормы, приносящие обществу вред. В некоторой степени подтверждают точку зрения С. Хантингтона исследования П. Меона и К. Секката, которые, по результатам анализа 71 страны за 1970–1998 гг. выявили, что хотя коррупция и сдерживает экономический рост, но это влияние сказывается неодинаково в разных странах мира. В странах с низким качеством государственного управления коррупция способна «сглаживать» недостатки государственной системы управления [Meon, Sekkat 2005].

Осознавая проблемы, создаваемые масштабной коррупцией, органы власти разрабатывают меры для борьбы с ней. В частности, в 2008 г. в России был принят закон № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»; с 2010 г. с периодичностью в 2–3 года президентом страны утверждается национальный план противодействия коррупции. Ещё ранее, в 2003 г., на Генеральной Ассамблее ООН была принята Конвенция ООН против коррупции (United Nations Convention Against Corruption). Упомянутые

российские и международные документы отмечают важность противодействия коррупции и содержат набор средств по борьбе с данным явлением.

Однако для достижения успехов в борьбе с коррупцией прежде всего необходимо измерить её масштабы, определить причины, обуславливающие её возникновение. Аналогичным образом хороший врач перед началом лечения должен поставить диагноз пациенту, оценить его состояние и, как минимум, измерить ему температуру. Так и учёные, занимающиеся исследованием коррупции, измеряют её уровень и устанавливают факторы, её вызывающие. Представители юридической науки склонны измерять масштабы коррупции официальными данными о количестве выявленных преступлений коррупционной направленности. Эти данные демонстрируют коррупционные события, обнаруженные правоохранительными органами страны. Российской правовой статистикой из преступлений коррупционной направленности учитываются те, которые связаны с дачей и получением взятки. На рисунке 1 показаны данные о динамике зарегистрированных в России в 2015–2022 гг. преступлений коррупционной направленности. Согласно этим данным, за 2022 г. в России было зарегистрировано 10,3 тыс. преступлений коррупционной направленности (включая дачу и получение взятки), что составило примерно 0,007% по отношению к численности населения. На наш взгляд, эти данные не демонстрируют реальное состояние коррупции в России. К тому же официальная статистика количества зарегистрированных преступлений может изменяться под влиянием субъективных факторов, которые способны исказить реальную картину уровня преступности. Так, согласно представленным данным, в 2016–2017 гг. произошло значительное сокращение преступлений коррупционной направленности, однако причиной этого стало не снижение взяточничества в стране, а декриминализация незначительных преступлений (мелких взяток) и смягчение наказания по ним.

Источник: Рисунок составлен авторами на основе данных портала правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ (<http://crimestat.ru>).

Рис. 1. Количество зарегистрированных преступлений коррупционной направленности в Российской Федерации. 2011–2022 гг.

Нельзя не отметить, что официально выявленными случаями взяточничества не исчерпываются масштабы коррупции в стране. Коррупция обладает латентным характером, большая часть таких действий скрыта, их не удастся обнаружить. Пойманные преступники, чьи деяния отражены в официальной статистике, менее предусмотрительны, чем те, кто смог ускользнуть от правоохранительных органов. Наиболее опытным и ловким коррупционерам вполне удастся уйти от ответственности, поэтому сле-

дует предположить, что уровень коррупции в стране значительно превышает официальную статистику. В связи с чем большей достоверностью обладают социологические методы измерения масштабов коррупции, основанные на проведении анонимного анкетирования и интервьюирования населения и представителей бизнеса на предмет оценки распространённости коррупционных событий в бытовой и деловой среде.

Цель нашего исследования — измерение уровня коррупции в Иркутской области социологическими методами, установление факторов, способствующих росту коррупции, и оценка последствий распространения данного явления. Гипотеза исследования предполагает, что в российском обществе происходит институционализация коррупции, заключающаяся в укоренении коррупционных практик в бытовой и деловой среде, закрепление их как обыденных, рутинных норм поведения и социального общения. Проверка данной гипотезы была проведена на основе сопоставления результатов социологического опроса населения Иркутской области о состоянии коррупции с обязательными элементами, формирующими социальный институт. Выбор Иркутской области в качестве объекта исследования обусловлен тем, что это во многом типичный российский регион, где преобладает добыча полезных ископаемых.

Специфической особенностью Иркутской области, как и большинства сибирских регионов, является преобладание добывающих производств в ущерб перерабатывающим: доля добычи полезных ископаемых в структуре валовой добавленной стоимости в 2020 г. составила 25,4%, превысив среднероссийский уровень на 14,9 п. п. Таким образом, проведённое исследование позволяет оценить уровень коррупции в типичном регионе, ориентированном на добычу ресурсов, для которого характерна удалённость собственников добывающих предприятий от мест их производственной деятельности, что ведёт к изъятию создаваемых доходов из добывающего региона, снижению качества жизни населения и создаёт предпосылки для коррупциогенного поведения. По оценкам многих исследований (см., например: [Shaxson 2007; Plummer 2012]), в экономиках с преобладанием добычи полезных ископаемых повышается склонность к коррупционному поведению, поскольку коррупционные отношения облегчают присвоение создаваемой природной ренты.

Обзор исследований коррупции, проведённых с использованием социологических методов

Социологические методы активно используются учёными для исследования коррупции как феномена. Причём социологические подходы к оценке масштабов, характера и причин коррупции применяют как отдельные исследователи, так и социологические организации.

Всемирный экономический форум (World Economic Forum) с 1999 г. составляет индекс взяточничества (Bribe Payers Index), представляющий собой рейтинг крупнейших стран-экспортеров, основанный на оценке распространённости коррупционных практик в этих странах при ведении бизнеса.

Широко распространены социологические методы при исследовании коррупции за рубежом. П. Будсаратрагуп и Б. Джитманироу оценивают масштабы коррупции на основе социологических данных, применяя междисциплинарный подход, а также кластерный анализ, классификационный анализ, моделирование структурных уравнений с наименьшими квадратами в частных производных [Budsaratragoon, Jitmaneeroj 2020].

Б. Олкен занимается проблемами оценки уровня коррупции на основе социологических опросов населения, и это позволило ему выявить эмпирическую взаимосвязь между оценками уровня коррупции у респондентов и данными, полученными из иных — по мнению автора, более достоверных — ис-

точников, а именно из информации о процессе осуществления дорожного строительства в Индонезии [Olken 2009]. Д. Рывкин, Д. Серра, Д. Тремева организовали социологический опрос респондентов в Индии с применением веб-сайта «Я дал взятку» («I Paid a Bribe»), позволяющего пользователям анонимно сообщать о фактах коррупционных действий [Ryvkin, Serra, Tremewan 2017]. А. Соле-Олле, П. Соррибас-Наварро применили методы социологического опроса для оценки степени влияния коррупционных скандалов на уровень доверия к местным политикам в Испании [Sole-Olle, Sorribas-Navarro 2018]. Серия исследований Ксююна Тана и его коллег была направлена на изучение влияния самооценки на коррупционные намерения и опосредующей роли материалистической модели поведения в создании этого эффекта [Tan et al. 2016]. Н. К. Кьёбис и его коллеги исследовали влияние описательных социальных норм, составляющих общие правила и образцы поведения, на коррупционное поведение, используя разработанный ими поведенческий показатель коррупции [Köbis et al. 2015].

У зарубежных учёных пользуется популярностью проведение полевых исследований коррупции с применением социологических методов. О. Армантье и А. Боли осуществили полевой эксперимент по измерению уровня коррупции в Буркина-Фасо в период проведения там государственных экзаменов [Armantier, Boly 2011]. Э. Барр и Д. Серра в 2005–2007 гг. провели полевой эксперимент по изучению склонности к взяточничеству студентов Великобритании [Barr, Serra 2010]. Б. Фрэнк и Г. Г. Шульц провели серию полевых экспериментов, которые позволили исследовать различные детерминанты коррупционного поведения студентов [Frank, Schulze 2000].

В России целый ряд социологических организаций изучали проблемы коррупции, проводя социологические опросы. Такие крупные российские исследовательские центры, как Всероссийский центр изучения общественного мнения, Фонд общественного мнения, занимались вопросом состояния коррупции, поднимая эти вопросы в рамках комплексных социологических обследований общественного мнения населения страны. Серию специальных социологических исследований состояния коррупции в России в 2001–2010 гг. провёл Фонд ИНДЕМ, продемонстрировав в результатах высокий уровень коррупции в стране, достигающий по бытовой коррупции 55% (доля граждан, попадавших хотя бы один раз в жизни в коррупционную ситуацию²), а по деловой коррупции — 81% (доля бизнесменов, дающих взятки) [Сатаров 2013].

Большое количество социологических исследований состояния коррупции проводится отдельными учёными или небольшими научными коллективами. Чаще всего социологическое обследование охватывает респондентов отдельного региона страны или респондентов, объединённых по определённому профессиональному признаку. К настоящему времени в России накоплен большой опыт проведения социологических исследований коррупции в российских регионах. Следует обратить внимание на то, что не всем исследователям в ходе проведения социологического опроса удалось выявить уровень коррупции в исследуемом регионе. Кроме того, не все авторы в своих публикациях указали период, в течение которого проводился опрос респондентов.

Чаще всего при измерении уровня коррупции исследователи применяют такой показатель, как риск коррупции, оценивающий вероятность возникновения коррупционной ситуации. Обычно он рассчитывается в процентах, как доля лиц, указавших, что им приходилось сталкиваться со случаями коррупции, когда респонденту предлагали совершить коррупционное действие (например, дать или получить взятку), даже если при этом они и не давали взятку. Официальная методика проведения социологического опроса, закреплённая Постановлением Правительства России от 25 мая 2019 г. № 662 «Об утверждении методики проведения социологических исследований в целях оценки уровня коррупции

² Коррупционная ситуация — это ситуация, когда гражданин сталкивается с государством в связи с той или иной своей проблемой и при этом имеется очевидная возможность её решения коррупционными действиями [Сатаров 2013: 12].

в субъектах Российской Федерации», среди индикаторов, измеряющих уровень коррупции, предусматривает использование прежде всего показателя «риск коррупции» (пп. 81, 96).

Сведения о проведении социологических обследований уровня коррупции в российских регионах приведены в таблице 1. Некоторые исследователи в своих публикациях указали точную величину установленного ими уровня коррупции. Но чаще всего в ходе региональных социологических опросов о состоянии коррупции не выявляется её конкретная величина в регионе. Обычно авторы ограничиваются относительными оценками респондентов о степени распространённости коррупции: высокая она или нет; увеличилась за последнее время или снизилась и т. п.

Таблица 1

Сведения о проведении социологических обследований уровня коррупции в российских регионах

Авторы исследования	Период исследования	Место проведения опроса	Объём выборки, чел.	Выявленный уровень коррупции	Публикация результатов
Салахова Л. Р.	2009 г.	Республика Татарстан	1600	Высокий	[Салахова 2010]
Устинова О. В.	2010 г.	г. Тюмень	336	Высокий	[Устинова 2011]
Хашаева А. Б., Оконов Б. А.	2014 г.	Республика Калмыкия	Не указан	20,4%	[Хашаева, Оконов 2019]
Шедий М. В., Малик Е. Н.	2015–2016 гг.	Воронежская и Орловская области	1050	Высокий	[Шедий, Малик 2019]
Беркович М. И., Духанина Л. Н., Максименко А. А., Надуткина И. Э.	2015–2017 гг.	Костромская область	1302	Средний	[Беркович et al. 2019]
Белокрылов К. А., Рунова Л. П., Пиронко М. В.	2016 г.	Ростовская область	110	Высокий	[Белокрылов, Рунова, Пиронко 2016]
Сидорина Т. В.	2017–2018 гг.	Ростовская область	Не указан	22%	[Сидорина 2020]
Глухова А. А., Иудин А. А., Шпилев Д. А.	2018–2019 гг.	Нижегородская область	1005	Средний	[Глухова, Иудин, Шпилев 2020]
Спирина А. С.	2019 г.	Алтайский край	Не указан	16,2%	[Спирина 2020]
Матвеева Е. В., Гладких С. С.	2021 г.	Кемеровская область	700	Высокий	[Матвеева, Гладких 2021]
Бочарникова И. С., Тырнова Н. А.	2021 г.	г. Астрахань	450	75%	[Бочарникова, Тырнова 2022]

Примечание: В столбце «Выявленный уровень коррупции» указана доля респондентов, положительно ответивших на вопросы: «Приходилось ли лично Вам за прошедший год давать взятку, делать подарки, осуществлять подкуп или оказывать ответные услуги чиновникам и должностным лицам?»; «Приходилось ли респондентам давать взятку?».

По результатам исследований уровня коррупции в российских регионах были выяснены факторы, повышающие риск попадания в коррупционную ситуацию. Большинство таких факторов проявляются в нашем исследовании коррупции в Иркутской области. В Воронежской и Орловской областях к факторам, повышающим склонность к коррупции, относится возраст. Социологический опрос установил, что лица пенсионного возраста больше расположены к совершению коррупционных действий [Шедий, Малик 2019]. В Алтайском крае риск попасть в коррупциогенную ситуацию повышается при обращении за получением бесплатной медицинской помощи [Спирина 2020]. В Республике Татарстан риск повышается при получении образовательных услуг [Салахова 2010].

Ряд исследователей осуществили социологические опросы о состоянии коррупции, отобрав респондентов по профессиональному признаку. Чаще всего такого рода опросы проводились среди сотрудников правоохранительных органов. А. В. Паршков, Э. С. Рахмаев, А. А. Нуждин в ходе своего социологического обследования опросили работников уголовно-исполнительной системы [Паршков, Рахмаев, Нуждин 2019]. Т. Н. Коголь и А. Н. Иванова опросили также работников уголовно-исполнительной системы, но занимающихся только выполнением закупок для государственных нужд, то есть сотрудников, связанных с расходованием бюджетных средств [Коголь, Иванова 2018]. Е. А. Клеймёнов и Е. В. Чепиков с использованием социологических методов оценили состояние коррупции среди сотрудников правоохранительных органов Дальневосточного федерального округа [Клеймёнов, Чепиков 2020]. Распространены социологические обследования состояния коррупции в системе образования, в том числе высшего. А. В. Саяпин, Е. В. Харитоновна с применением социологических методов оценили ситуацию с коррупцией в высшем образовании России и влияние данного явления на качество высшего образования [Саяпин, Харитоновна 2018]. В 2017 г. Е. А. Морозова, С. А. Пфетцер, А. В. Сухачёва провели социологическое исследование коррупции в системе образования г. Кемерово и Кемеровского района [Морозова, Пфетцер, Сухачёва 2017]. В Республике Удмуртия М. Н. Макарова и Р. В. Вахрушев провели социологический опрос среди студентов о состоянии коррупции в высшем образовании [Макарова, Вахрушева 2013].

Некоторые авторы применяют официальную методику проведения социологических исследований для оценки уровня коррупции (см. Постановление Правительства РФ от 5 мая 2019 г. № 662) для осуществления своих социологических исследований на региональном уровне. Б. В. Заливанский, Е. В. Самохвалова, О. Н. Полухин в 2020 г. провели социологический опрос населения Белгородской области по методике, утверждённой Правительством России [Заливанский, Самохвалова, Полухин 2021]. Однако следует иметь в виду, что правительственная методика имеет ряд ограничений и недостатков. По мнению О. Ю. Сигуровой, у данной методики низкая репрезентативность: «Методика предусматривает расчёт таких показателей, как риск деловой коррупции, количество коррупционных сделок, индекс противодействия и т. д. Тем не менее это будут лишь оценочные суждения, вызывающие сомнения, поскольку выборка респондентов должна быть репрезентативной» [Сигурова 2022: 124–125]. Действительно, для получения достоверных результатов социологических опросов требуется репрезентативная выборка респондентов. Правительственная методика пунктом 18 установила минимальное количество респондентов для выборки, пропорциональное численности населения в субъекте Российской Федерации. Зачастую в российских регионах организаторы опроса применяют минимальное значение для отбора количества респондентов. Так, в Иркутской области при численности населения 2,4 млн человек при организации социологического обследования в 2022 г. региональные органы власти установили минимально возможное, исходя из сложившейся численности населения, количество анкет для опроса — 600, вследствие чего опросом было охвачено только 0,025% населения региона. На наш взгляд, стоит ожидать недостаточную точность такого подхода. Скорее всего, при проведении социологического опроса рамка в 600 человек не позволит построить репрезентативную картину региона — слишком высока его дифференциация по районам, типам населённых пунктов, родам занятий, половозрастным группам. В. П. Воробьёв и И. А. Мурзина выделяют целый ряд недостатков правительственной методики: «Главный дефект анкеты, посвящённой деловой коррупции, связан с тем, что в ней смешаны признаки анкеты, предназначенной для массового опроса, и опросника для проведения экспертного опроса; представлен слишком большой массив сложных вопросов, на которые обычный респондент просто не будет вдумчиво отвечать; имеется большое количество прямых вопросов, касающихся положения дел в других организациях» [Воробьёв, Мурзина 2020: 95–96].

Полученные отечественными и зарубежными авторами научные результаты использования социологических методов исследования коррупции применены и в данном исследовании, включают группировку респондентов по различным критериям, в том числе по полу, возрасту, получаемому доходу, профессии

и т. п., что позволило выявить факторы, повышающие либо снижающие склонность опрошенных лиц совершать коррупционные действия, и сопоставить наши результаты с результатами других авторов.

Методы исследования

Для оценки уровня коррупции в Иркутской области научным коллективом, представляющим Байкальский государственный университет, Иркутское региональное отделение Российского общества социологов и Уральский федеральный университет, была разработана и применена авторская методика социологического исследования уровня и характеристик коррупции в регионе. Исследование проводилось методом онлайн-опроса совершеннолетних жителей Иркутской области, а также представителей бизнеса в мае — августе 2022 г. Онлайн-панель размещена на сайте фонда «Социум», осуществляющего научные исследования. Респондентам вознаграждение не выплачивалось. Всего было собрано 7198 результативных анкет, представляющих различные слои населения Иркутской области. Расчёт итоговой структуры объёма выборочной совокупности респондентов представлен в таблице 2. Расчёт квот распределения признаков произведён на основе статистических данных о половозрастном составе населения, а также среднегодовой численности работников организаций по видам экономической деятельности в Иркутской области. Этим была обеспечена репрезентативность выборки. Использование в социологическом исследовании онлайн-опроса обладает следующими преимуществами: повышение вовлеченности респондентов в опрос благодаря возможности выбора удобного времени для его прохождения; участие в опросе лиц из отдалённых населённых пунктов; экономия ресурсов (включая денежные, временные и трудовые); высокий уровень доверия из-за анонимности проведения. К недостаткам онлайн-опроса стоит отнести ограниченность длины опросника (не более 25 вопросов, чтобы сохранить желание респондента пройти опрос полностью), лимитированные технические возможности у респондента при прохождении опроса (недостаточные технические параметры компьютера или мобильного телефона, отсутствие интернет-связи). Данные исследования были обработаны и проанализированы в специальной программе «Vortex», версия 10.

Таблица 2

**Расчёт выборки для опроса с учётом квот по полу, возрасту
и виду экономической деятельности**

Пол, возраст	Итого, чел.	Сельское, лесное хозяйство	Добыча полезных ископаемых	Обрабатывающие производства	Сфера ЖКХ	Строительство	Торговля	Транспортировка и хранение	Деятельность гостиниц и общественного питания	Деятельность в области информации и связи	Деятельность финансовая и страховая	Деятельность административная, правоохранительная, сопутствующие услуги	Государственное управление и социальное обеспечение	Образование, научная деятельность	Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений
Мужчины, из них:	3301	109	165	434	165	147	364	301	56	67	49	105	301	613	375	53
25–34 лет	959	32	46	126	46	42	105	84	18	21	14	28	84	175	109	18
35–44 лет	952	32	49	126	49	42	105	88	18	18	14	32	88	179	109	14
45–54 лет	718	25	35	95	35	32	81	67	11	14	11	25	67	133	81	11
55–64 лет	672	21	35	88	35	32	74	63	11	14	11	21	63	126	77	11
Женщины, из них:	3700	123	186	483	186	168	406	336	63	74	56	119	336	690	417	60
25–34 лет	928	28	42	123	49	42	102	84	18	18	14	32	84	172	102	14
35–44 лет	1012	35	49	133	49	46	112	91	18	21	14	32	91	189	116	18
45–54 лет	840	28	42	109	42	39	91	77	14	18	14	28	77	158	95	14
55–64 лет	917	32	46	119	46	42	102	84	14	18	14	28	84	172	105	14
Итого	7000	231	350	917	350	315	770	637	119	140	105	224	637	1302	791	112

В части исследования бытовой коррупции респондентам из числа населения Иркутской области были заданы 25 вопросов. При проведении опроса среди представителей бизнеса о состоянии деловой коррупции были заданы 20 вопросов. Все вопросы включали два раздела. Первый раздел анкеты (вводная часть) содержал вопросы, характеризующие респондента: пол, возраст, социальное положение, отрасль экономики, к которой относится организация, связанная с респондентом. Во второй раздел анкеты (основная часть) вошли вопросы, раскрывающие степень вовлечённости отдельных граждан и производственных организаций в коррупционные практики, а также характер и частоту попадания

респондентов в коррупционную ситуацию. Применяя метод группировки данных, удалось сопоставить ответы, характеризующие респондентов, с ответами, описывающими коррупционные практики. Данный подход позволил составить социально-психологический «портрет» лица, чаще всего попадающего в коррупционную ситуацию и выбирающего коррупционную модель поведения.

Аналогичным образом, исходя из структуры экономики Иркутской области, происходил отбор представителей бизнеса для проведения социологического опроса. Некоторые вопросы совпадали, а некоторые различались в анкетах, предназначенных для опроса населения и представителей бизнеса. Анкета для населения включала вопросы о материальном положении и иных личных характеристиках частных лиц. В анкете для представителей бизнеса содержались вопросы, характеризующие хозяйственную деятельность организации, в которой работает респондент, а также вопросы о коррупционных практиках. Образец анкеты социологического опроса о состоянии бытовой коррупции в Иркутской области приведён в приложении.

Результаты исследования

В ходе социологического исследования состояния коррупции в Иркутской области прежде всего была проведена оценка уровня бытовой коррупции в регионе. Респондентам, представленным широким кругом населения, был задан вопрос: «Попадали ли Вы в последние год-два в коррупционную ситуацию?», — на который 13,0% опрошенных дали положительный ответ. Данную величину, измеряющую риск коррупции, стоит признать показателем бытовой коррупции, сложившейся в Иркутской области в 2022 г. Его значение несколько ниже уровня, выявленного в других регионах России, где проводились аналогичные социологические опросы населения. Более высокий уровень коррупции выявлен в Республике Калмыкия, Ростовской области, Алтайском крае, в Астрахани (см. табл. 1). Из респондентов, попадавших в коррупционную ситуацию, 21,9% дали положительный ответ на вопрос: «Давали ли Вы в этой ситуации взятку?» Эту величину можно признать склонностью к выбору коррупционной модели поведения. Эти данные свидетельствуют о том, что в Иркутской области всё ещё не закончился процесс институализации коррупции, заключающийся в закреплении коррупционных норм поведения. Большинство респондентов, попав в коррупционную ситуацию, всё ещё отказываются совершать коррупционный поступок, даже если это можно сделать безнаказанно и получить выгоду.

Респондентам задавался вопрос о степени коррумпированности органов власти; результаты ответов представлены в таблице 3.

Таблица 3

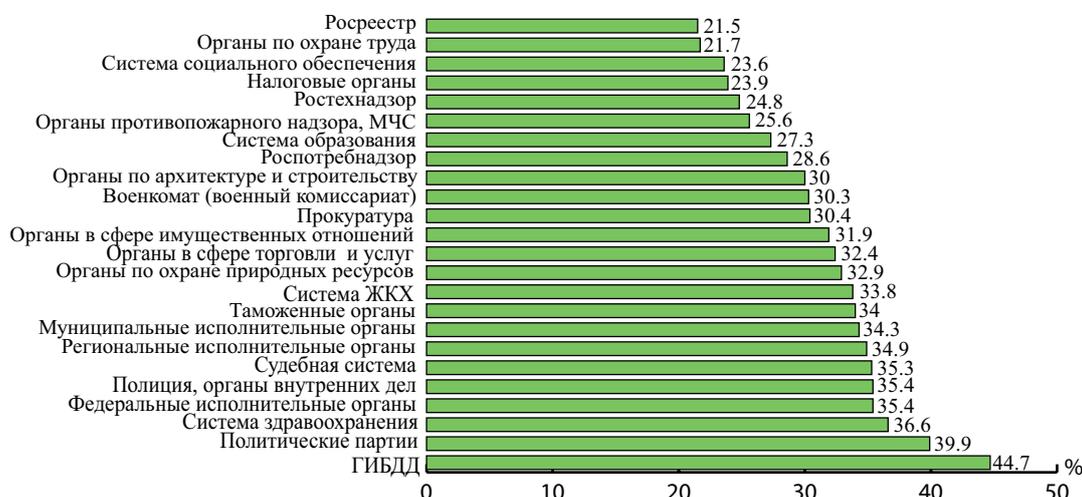
Количество и доля ответов на вопрос: «Нередко можно услышать, что люди в высших органах власти нечестны, корыстны, приходят во власть только для своего обогащения. С каким высказыванием на эту тему Вы согласны в максимальной степени?»

Варианты ответов	Количество ответивших, чел.	Доля опрошенных, %
Меньшинство людей в высших органах власти берут взятки	1107	15,4
Большинство людей в органах власти берут взятки	3347	46,5
Ни то, ни другое, примерно поровну	2743	38,1

При сравнении информации, представленной в таблице 3, с ранее выявленным уровнем коррупции заметно противоречие: половина респондентов считают, что большинство чиновников берут взятки, однако о том, что попадали в коррупционную ситуацию за последние два года, сообщили только 13% опрошенных. Отчасти расхождения в оценке респондентами уровня коррупции объясняются различием форму-

лировки вопросов, при этом обнаруживается традиционное предубеждение против органов власти. Либо опрошенные не все события в своей жизни, обладающие коррупционными признаками, отнесли к случаям коррупции. В избирательности квалификации коррупционности собственных поступков проявляется фундаментальная ошибка атрибуции, заключающаяся в переоценке личностных и недооценке обстоятельственных причин при интерпретации поведения стороннего человека. Ведь человек нередко склонен объяснять поведение других их индивидуальными (возможно, предсудительными) особенностями, а своё поведение — внешними обстоятельствами, сложившейся ситуацией. Зачастую, если людям известно, что сторонний человек совершил коррупционный поступок, то они фиксируют это событие; если же они сами совершили незначительное коррупционное действие (например, сделали символический подарок в благодарность за что-то), то они могут и не расценивать такой поступок как коррупционный.

При оценке масштабов коррупции отдельных органов власти наивысший уровень был выявлен в Государственной инспекции безопасности дорожного движения (ГИБДД) (см. рис. 2). То же показывают другие аналогичные исследования: большинство социологических опросов фиксируют наибольшую среди всех государственных органов коррупционность в ГИБДД (см., например: [Салахова 2010; Хашаева, Окнов 2019]). Также к числу лидеров по уровню коррупции по результатам опроса были отнесены политические партии и органы здравоохранения. Политические партии, по мнению респондентов, вовлечены в политическую коррупцию, которая заключается в злоупотреблении должностными полномочиями, направленном на завоевание и удержание власти вопреки интересам других лиц и общества. Проявляется политическая коррупция в таких формах, как электоральная коррупция, облегчающая захват представительной власти, а также её удержание; законодательная коррупция, позволяющая влиятельным лицам подкупать депутатов представительного органа власти для принятия нужного правового акта. Наименьший уровень коррупции, по мнению респондентов, сложился в Иркутской области в органах социального обеспечения, охраны труда и в Росреестре. Анализ аналогичных опросов, проведённых российскими исследователями, выявил ряд совпадений и некоторые различий с нашим исследованием. В частности, проведённый в 2018 г. Российским обществом «Знание» совместно с фондом «Национальные ресурсы образования» опрос в 82 регионах России установил, что среди сфер государственной деятельности лидерами по коррупционности являются медицина и ГИБДД. Однако исследование общества «Знание» показало среди лидеров сферу образования, чья коррупционность, по результатам опроса населения Иркутской области, составила средний уровень [Максименко et al. 2020]. Проведённое в 2018 г. О. А. Никифоровой исследование восприятия коррупции жителями Санкт-Петербурга и Ленинградской области также показало, что наибольшей коррупционностью в восприятии населения обладают автоинспекция и сфера здравоохранения [Никифорова 2019]. Наличие некоторых различий в результатах исследований вполне объяснимо, так как коррупционная ситуация несколько отличается в отдельных регионах страны.

Рис. 2. Оценка уровня коррупции в органах власти в Иркутской области (доля оценивших коррупцию на высоком и очень высоком уровнях, %)

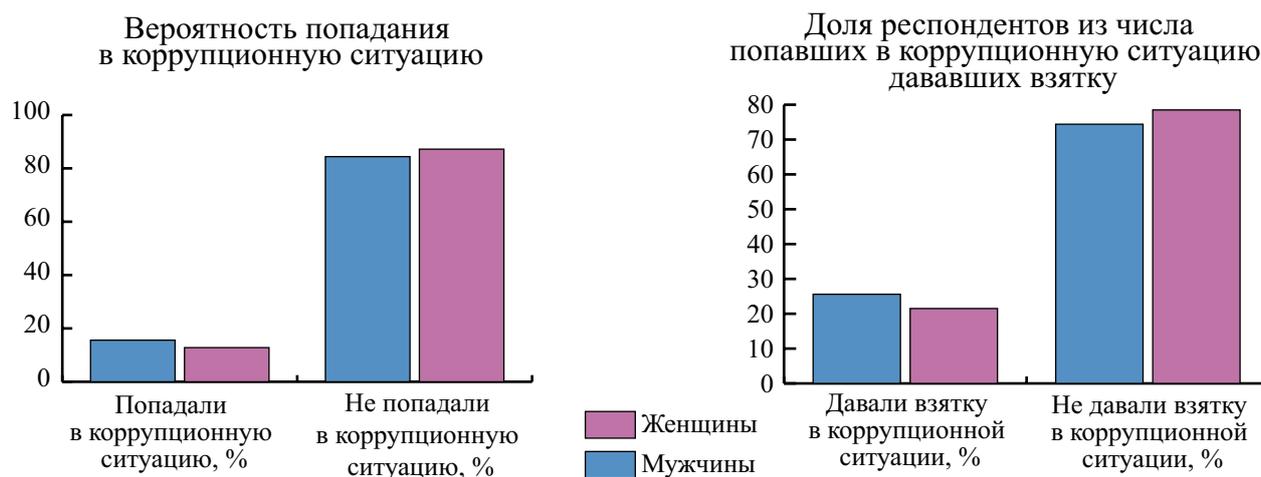
При ответе на вопрос о проблемах, которые пришлось решать лицам, попадавшим в коррупционную ситуацию, большинство респондентов указали на возможность получения бесплатной медицинской помощи. Из общего количества респондентов, оказывавшихся в коррупционной ситуации, 57,1% случаев было связано с получением этой государственной услуги (см. рис. 3). Обращение в государственные и муниципальные медицинские учреждения является распространённой практикой. При высокой частоте пользования данной услугой граждане нередко сталкиваются с коррупционными действиями при обращении за ней. С меньшей частотой, но все равно регулярно, попадают в коррупционную ситуацию при поступлении в среднюю школу и в дошкольное учреждение, при урегулировании ситуации с автоинспекцией, при получении услуг по ремонту и эксплуатации жилья. В своём большинстве это рядовые житейские ситуации, в которые человек попадает практически ежедневно. Исходя из этого, можно сделать вывод, что бытовая коррупция стала обыденным явлением, сопровождающим жизнь населения.

Рис. 3. Какие проблемы пришлось решать лицам, попадавшим в коррупционную ситуацию (доля ответивших, %)

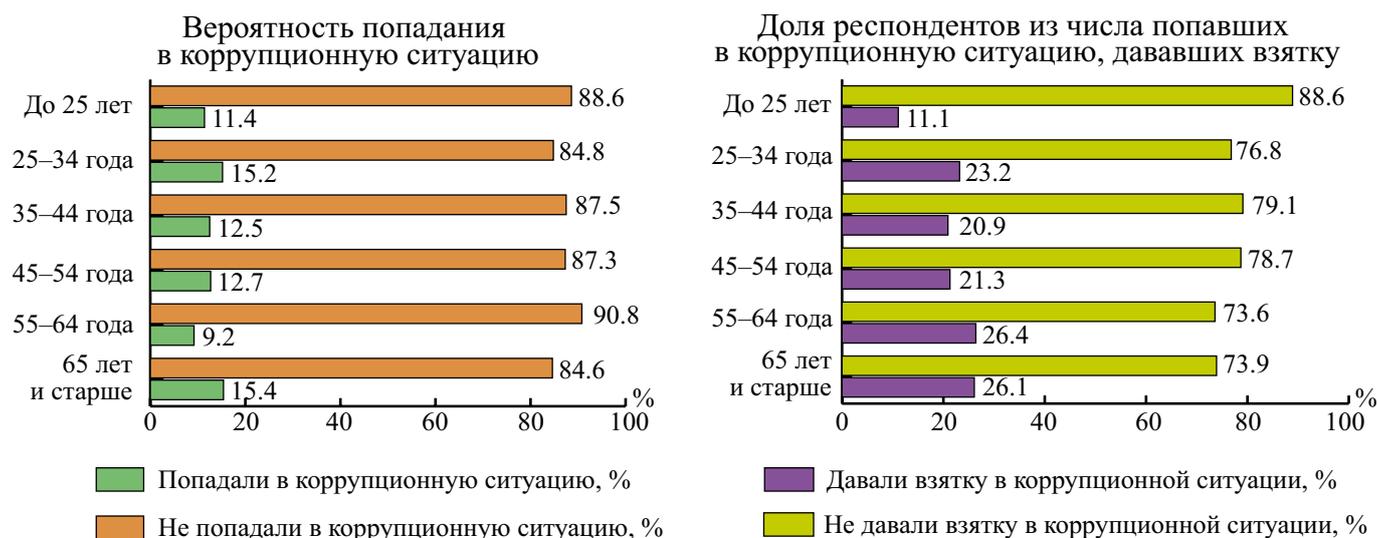
Далее были проанализированы признаки, которыми обладают граждане, попадающие в коррупционную ситуацию. Некоторые из таких признаков повышают вероятность попадания в коррупционную ситуацию. Кроме того, наличие определённых признаков влияет на выбор модели коррупционного поведения. Сочетание некоторых анализируемых признаков повышает риск совершения коррупционных действий. Приведённые ниже результаты социологического опроса в определённой степени «рисуют» социально-психологический портрет лица, чаще всего попадающего в коррупционную ситуацию и выбирающего коррупционную модель поведения. В среднем уровень риска попасть в коррупционную ситуацию в бытовой сфере (как было показано ранее) составил 13%. Однако были выявлены группы риска с более высокой вероятностью столкнуться со случаями коррупции.

Выше вероятность попасть в коррупционную ситуацию у мужчин (см. рис. 4). Они чаще, чем женщины, выбирают более рискованную, но сулящую получение выгоды и коррупционную модель поведения. Попадая в коррупционную ситуацию, 25,6% мужчин соглашались давать взятку, тогда как из женщин на это шли только 21,5%. Наличие гендерных различий в коррупционном поведении было выявлено О. А. Никифоровой. В результате проведённого ею социологического обследования населения было установлено, что при общении с представителями разных органов власти мужчины и женщины ведут себя по-разному. В частности, мужчины более чем в два раза чаще склонны решать с ГИБДД возникшую проблему с помощью взятки [Никифорова 2019: 60].

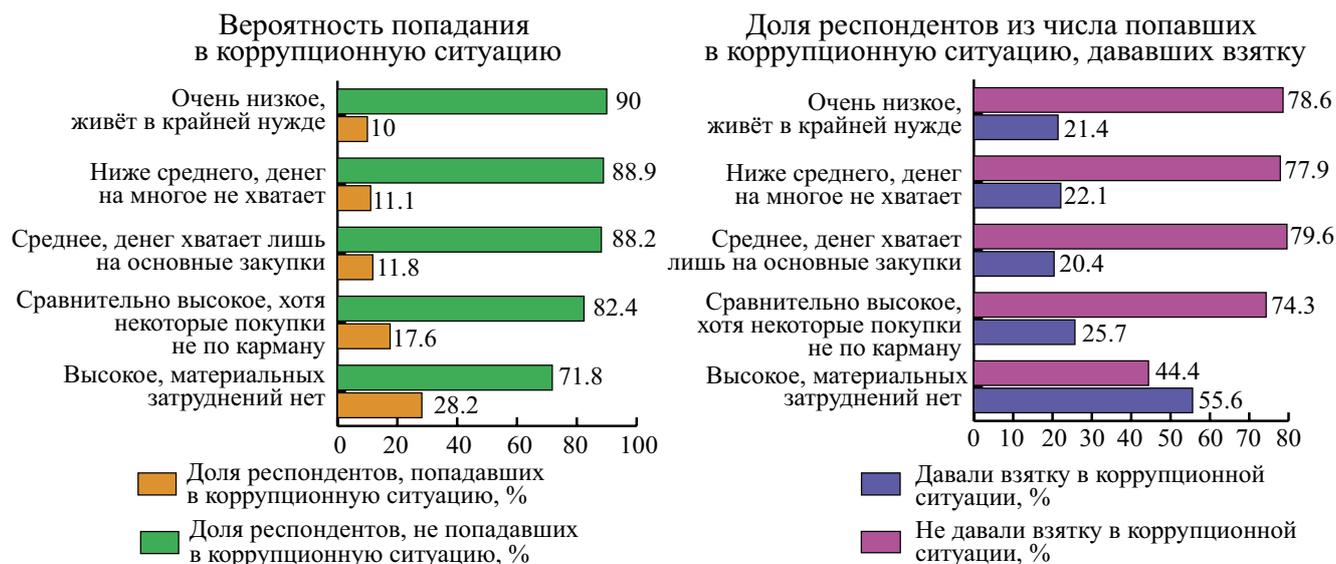
Рис. 4. Дифференциация коррупционного поведения в Иркутской области (признак: пол респондентов)

Выше риск попасть в коррупционную ситуацию в молодом возрасте (25–34 года) и в пенсионном; ниже — в предпенсионном (55–64 года) (см. рис. 5). Более склонны давать взятку в коррупционной ситуации лица старших возрастных категорий, в том числе пенсионного возраста. Относительно редко дают взятки лица, находящиеся в возрасте до 25 лет. Возможно, такая ситуация объясняется тем, что лица пенсионного возраста чаще общаются с чиновниками по поводу получения государственных услуг. Среди услуг, за которыми обращается эта категория лиц, ведущее положение принадлежит медицинским услугам, которые, согласно результатам проведённого исследования, относятся к числу наиболее коррупциогенных. Молодая возрастная группа (25–34 года), на наш взгляд, чаще попадает в коррупциогенную ситуацию из-за того, что в этом возрасте обычно заканчивается период обучения и происходит вступление в активную трудовую и семейную жизнь, что сопровождается увеличением частоты контактов с чиновниками (например, по поводу бесплатного лечения и обучения детей). Самая младшая возрастная группа (до 25 лет), реже всего попадающая в коррупционную ситуацию и наименее склонная решать проблемы взяткой, на наш взгляд, имеет меньше поводов для общения с чиновниками для получения государственных услуг. Наиболее распространённая в этом возрасте государственная услуга — образование; она, по оценкам респондентов Иркутской области, обладает средним уровнем коррупциогенности. Полученные результаты кардинально отличаются от эмпирического исследования взаимосвязи возраста и отношения к коррупции [Venno, Neven 2006]. Исследование анализировало показатели восьми западноевропейских стран за 1981–1999 гг.; результаты продемонстрировали снижение склонности к совершению коррупционных поступков с повышением возраста. Объяснялось это меньшей расположенностью пожилых людей к риску и опасениями снижения своего социального статуса при наказании за выявленные коррупционные преступления. Однако условия жизни лиц преклонного возраста в России и в Европе значительно различаются. Европейские пенсионеры не получают бесплатной медицинской помощи, которая относится к наиболее коррупциогенной сфере в России. В свою очередь, российские пенсионеры вовлечены в бытовую коррупцию с незначительным неформальным вознаграждением должностных лиц (маленькая сумма денег, коробка конфет и т. п.), за которое не предусмотрено уголовное наказание.

Рис. 5. Дифференциация коррупционного поведения в Иркутской области (признак: возраст респондентов)

Дифференциация по материальному положению (см. рис. 6) демонстрирует более высокий риск попадания в коррупционную ситуацию у более богатых слоёв населения (первые две группы с наибольшими доходами). Денежные средства можно рассматривать в качестве ограничителя для совершения коррупционных действий. Наличие большей суммы денежных средств у богатой категории лиц даёт им преимущество в получении государственной и муниципальной услуги неформальным способом. Это согласуется с равновесной моделью взяточничества очереди, разработанной [Lui 1985], согласно которой богатые люди могут позволить себе дать взятки для получения нормированных общественных благ, а бедные из-за ограниченности средств вынуждены перемещаться в конец очереди за получением государственных и муниципальных услуг. Дополнительным фактором, увеличивающим возможности состоятельных граждан совершать коррупционные действия, по мнению автора упомянутого источника, является то, что они обычно по сравнению с бедными гражданами обладают большими связями с чиновниками. К тому же некоторые виды государственных и муниципальных услуг, отличающиеся повышенной коррупциогенностью, доступны в основном состоятельным гражданам. Например, иметь автомобиль могут себе позволить те, чей доход не ниже среднего уровня, а наиболее высокий уровень коррупции среди всех органов власти был выявлен в ГИБДД. Больше поводов и возможностей для решения своих рабочих вопросов с представителями политических партий и федеральных органов исполнительной власти бывает у руководителей организаций и индивидуальных предпринимателей, которые обычно имеют более высокий доход по сравнению с рядовыми работниками. В ходе проведения опроса респондентам не задавали вопросы, позволяющие выяснить причины большей склонности лиц с высокими доходами совершать коррупционные действия. На данный момент не известно, повлияло ли на коррупционное поведение более высокая платёжеспособность, позволяющая сэкономить время на совершение бюрократических процедур за счёт вознаграждения чиновнику и ускорить получение государственной услуги, либо вознаграждение чиновнику выплачивалось для совершения противоправных действий и получения незаконных преимуществ. В ходе дальнейших исследований планируется выявить отличия в мотивах коррупционного поведения у лиц с различным уровнем материального положения.

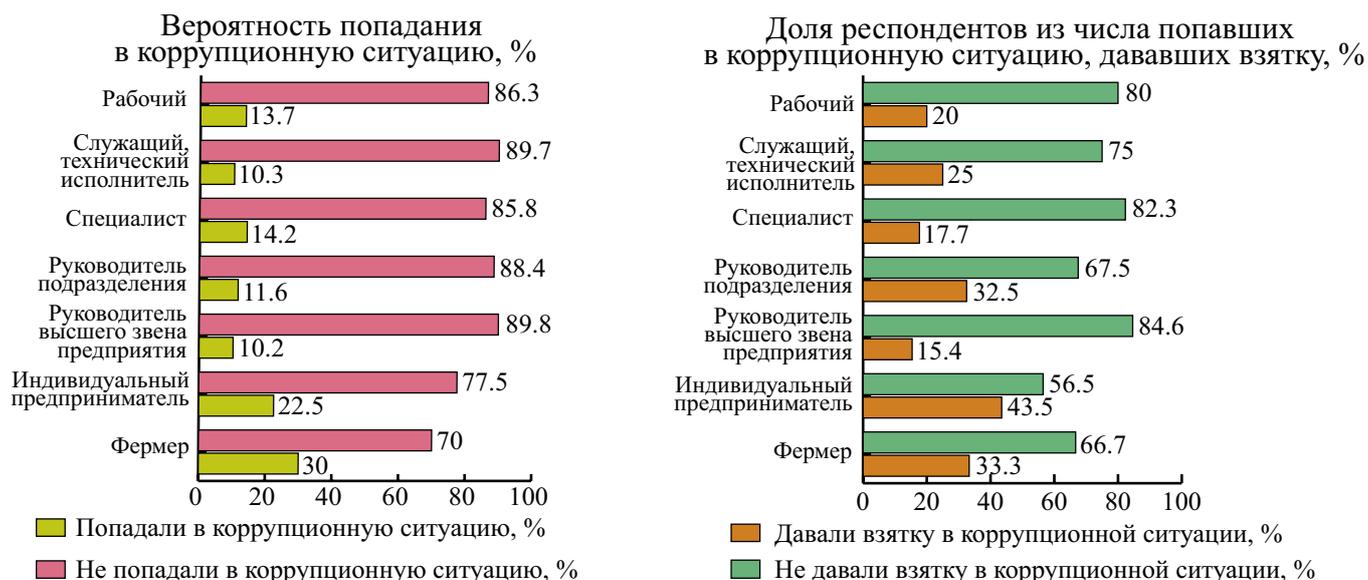
Рис. 6. Дифференциация коррупционного поведения в Иркутской области (признак: материальное положение респондентов)

Обращает внимание, что высокодоходные группы населения обладают большей склонностью к коррупционному поведению, а среди лиц с наиболее высоким уровнем дохода, оказавшихся в коррупционной ситуации, более половины давали взятки. Можно предположить, что отсутствие материальных затруднений у данных категорий лиц позволяет им выплачивать вознаграждение коррупционеру. Тогда как для бедных слоёв населения, попавших в коррупционную ситуацию, отсутствие свободных средств может стать непреодолимым препятствием для дачи взятки, даже если её у него вымогают для решения какой-либо важной проблемы. Причём уровень доходов и коррупция обладают тесной взаимосвязью. Не только высокие доходы повышают склонность к коррупции, но, в свою очередь, рост коррупции, согласно эмпирическим исследованиям, увеличивает расслоение общества по уровню доходов, доходы богатых увеличиваются, а бедных снижаются [Gupta, Davoodi, Alonso-Terme 2002]. Согласно результатам опроса, среди причин, по которым респонденты не стали бы давать взятку, только 19% респондентов ответили, что давать взятку слишком дорого для них.

Данные показывают, что выше вероятность попасть в коррупционную ситуацию у фермеров и индивидуальных предпринимателей (см. рис. 7). Представители этих же социальных групп, столкнувшись с проявлением коррупции, чаще соглашались на дачу взятки. Кроме того, выше склонность к коррупционному поведению у руководящих работников.

Анализ результатов социологического опроса по таким признакам, как семейное положение и уровень образования, не выявил значимого влияния данных характеристик на риск попадания в коррупционную ситуацию, а также на выбор и изменение коррупционной модели поведения в Иркутской области. В то же время имеется ряд исследований, согласно которым вероятность совершения коррупционных действий снижают наличие образования и семейное положение (нахождение в браке) [Dong, Torgler 2009; Lee, Guven 2013].

По результатам проведённого анализа были выявлены группы коррупционного риска, характеризующиеся наличием у членов этих групп признаков, свойственных повышенной вероятности попадания в коррупционную ситуацию, а также увеличивающие склонность к коррупционному поведению.

Рис. 7. Дифференциация коррупционного поведения в Иркутской области (признак: социальный статус респондентов)

Признаки, повышающие вероятность попадания в коррупционную ситуацию в бытовой сфере, следующие:

- мужской пол;
- молодой (25–34 года) и пенсионный (65+ лет) возраст;
- высокое материальное положение;
- работа в качестве индивидуального предпринимателя, фермера.

Признаки, повышающие вероятность выбора коррупционной модели поведения в бытовой сфере, следующие:

- мужской пол;
- предпенсионный (55–64 года) и пенсионный (65+ лет) возраст;
- высокое материальное положение;
- работа в качестве индивидуального предпринимателя, фермера и руководителя.

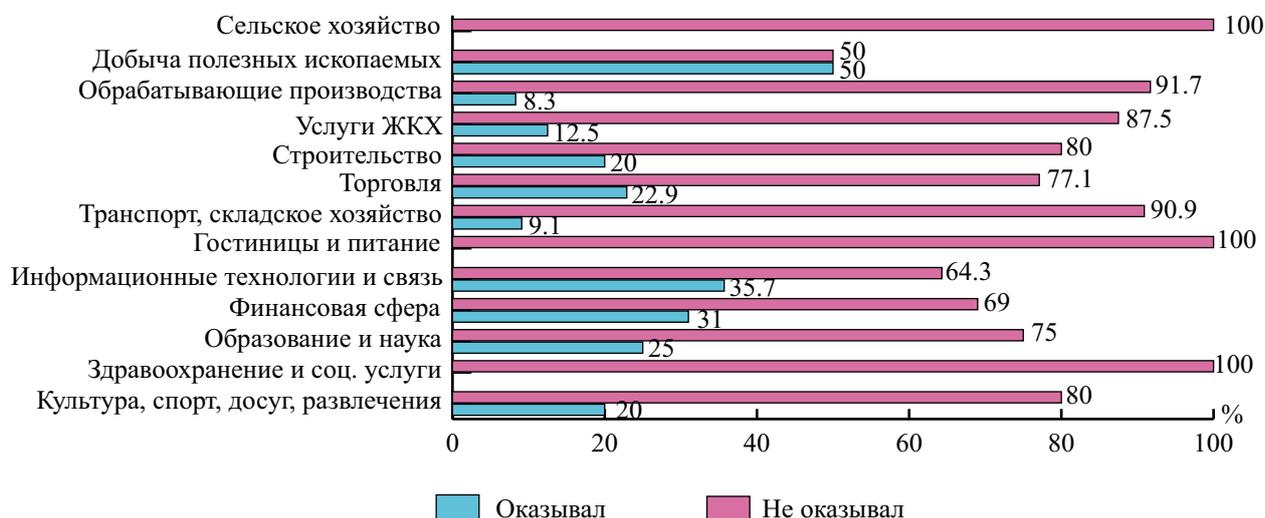
Далее были проанализированы результаты социологического опроса представителей бизнеса Иркутской области о состоянии деловой коррупции в регионе. Проведённый опрос показал уровень деловой коррупции в Иркутской области в размере 21,4% — такая доля респондентов, представляющих бизнес-структуры, дала положительные ответы на вопрос о том, приходилось ли им оказывать влияние на действие или бездействие должностных лиц с помощью неформальных платежей. При этом, как видно из данных, приведённых в таблице 4, представители деловых кругов Иркутской области используют коррупционные приёмы для осуществления предпринимательской деятельности с разной степенью регулярности. Большая часть бизнесменов (10,4%) из тех, кто применяет коррупционные средства, используют их относительно редко.

Таблица 4

Количество и доля респондентов, представляющих бизнес-структуры, ответивших на вопрос: «Насколько часто Вы оказываете влияние на действие (бездействие) должностных лиц с помощью неформальных прямых и (или) скрытых платежей?»

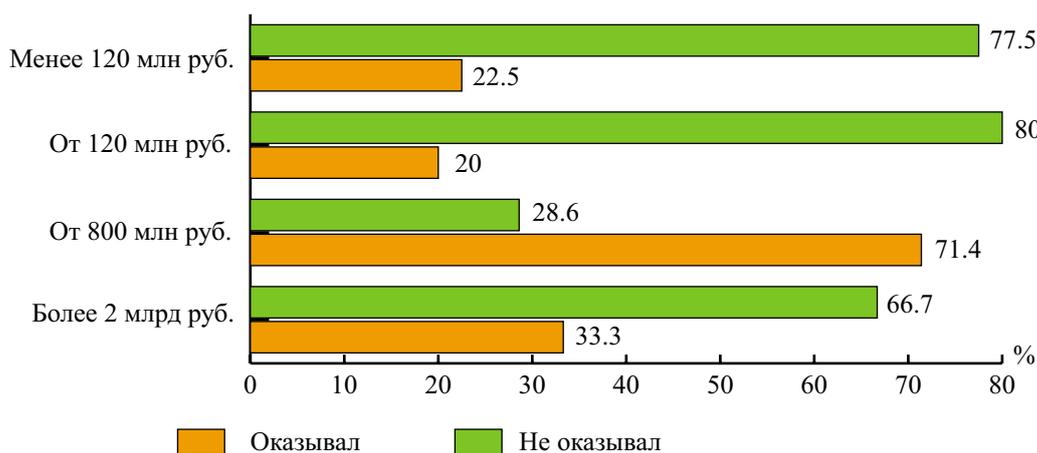
Варианты ответов	Количество ответивших	Доля ответивших, %
Довольно часто	11	3,5
Время от времени	24	7,5
Редко	33	10,4
Никогда	250	78,6
Всего	318	100,0

Определённые экономические характеристики деятельности предприятий оказывают влияние на степень вовлечённости этих предприятий в коррупционные практики. Чаще совершают коррупционные действия представители организаций, работающих в сфере добычи полезных ископаемых; информационных технологий и связи; в финансовой сфере (см. рис. 8).

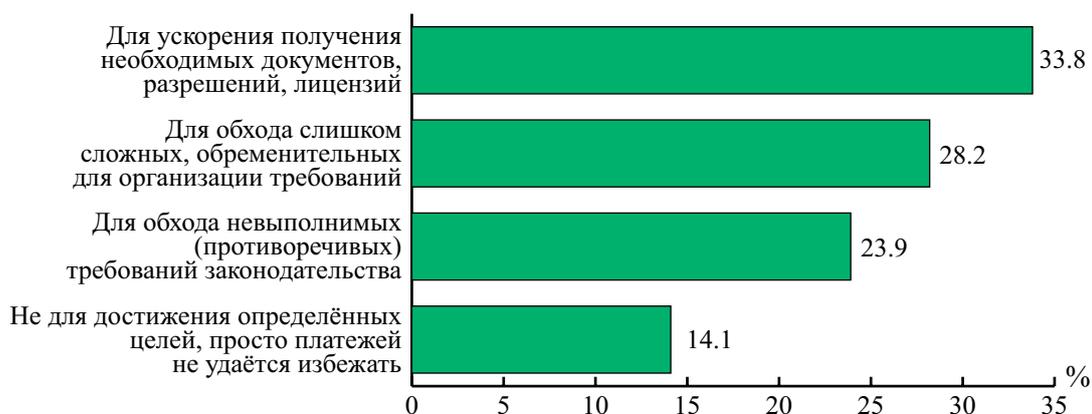
Рис. 8. Соотношение ответивших на вопрос: «Оказывали ли Вы влияние на действие должностных лиц с помощью неформальных платежей?» (оцениваемая характеристика: сфера профессиональной деятельности)

Не все респонденты, дававшие чиновникам вознаграждение, говорили о размерах своей компании (это сделали только 39% сообщивших о случаях попаданию в коррупционную ситуацию). Но из тех, кто сообщил эти данные, наиболее высокой склонностью давать взятки для достижения своих целей обладают представители средних по размеру предприятий, чей годовой доход от предпринимательской деятельности составляет от 800 млн до 2 млрд руб. (см. рис. 9).

Рис. 9. Соотношение ответивших на вопрос: «Оказывали ли Вы влияние на действие должностных лиц с помощью неформальных платежей?» (оцениваемая характеристика: размеры производственной деятельности компании)

В значительной мере раскрывают причины деловой коррупции данные, демонстрирующие структуру ответов на вопрос о целях применения представителями организаций неформальных платежей (см. рис. 10): 38% бизнесменов из числа тех, кто давал взятки, сообщили, что этих платежей им практически невозможно было избежать в процессе ведения собственного бизнеса («Платежей невозможно избежать» и «Невыполнимые требования законодательства»). Остальные 62% давали взятки для ускорения и упрощения получения государственных и муниципальных услуг от чиновников в ходе осуществления хозяйственной деятельности. Можно констатировать, что, по мнению меньшей части представителей деловых кругов Иркутской области (38%), в регионе сложились непреодолимые для нормального ведения бизнеса институциональные условия, под которые можно подстроиться только неформальными методами. Другая, большая, часть бизнесменов (62%) осознаёт возможность осуществления предпринимательской деятельности без использования коррупционных способов, но при этом прибегает к незаконным коррупционным приёмам, потому что они позволяют сократить сроки получения государственных и муниципальных услуг, снизить бюрократические барьеры для деловой среды, а это, в свою очередь, повышает успешность хозяйственной деятельности, увеличивает её рентабельность, позволяет получить выгодные контракты.

Рис. 10. Структура ответов на вопрос о целях использования неформальных прямых и (или) скрытых платежей в организациях

Полученные в ходе социологического опроса данные позволяют оценить степень институционализации коррупции в российском обществе. Согласно точке зрения Я. И. Кузьмина, К. А. Бендукидзе и

М. М. Юдкевич, социальный институт складывается из трёх компонентов: (1) формальные правила; (2) неформальные ограничения и практики, влияющие на восприятие формальных правил экономическими агентами; (3) механизмы принуждения [Кузьминов, Бендукидзе, Юдкевич 2006: xxvii].

Формальные правила (принятые законы, нормативные акты и иные официальные правоустанавливающие документы) несвойственны коррупционным отношениям. Коррупцию следует отнести к институтам неформальной экономики с отсутствующими правилами, закреплёнными законодательно [Барсукова 2005]. В связи с этим нельзя ожидать, что коррупции может быть свойствен первый из трёх компонентов, присущих социальному институту.

Второй компонент института, основанный на неформальных ограничениях и практиках, включает обычаи, рутины, ментальные модели поведения. Как указывает Дж. Р. Коммонс, обычай (*custom*) представляет собой ожидание, основанное на опыте, что сложившаяся практика поведения и отношений в обществе будут повторяться в будущем, и это даёт силу коллективным согласованным действиям, принуждающим отдельных лиц следовать укоренившимся правилам [Commons 1959: 239]. Сложившиеся обычаи формируют рутины, то есть устоявшиеся стереотипы поведения. Следуя им, человек совершает регулярные действия, не задумываясь над их содержанием, по привычке, рутинно. Нередко коррупционные действия в российской практике приобретают рутинный характер. Обычным правилом стало вознаграждение должностного лица, оказавшего мелкую услугу (например, кассира театра, отложившего билет знакомому покупателю), шоколадкой или коробкой конфет. Как уже отмечалось, согласно данным, граждане чаще всего сталкиваются со случаями бытовой коррупции при обращении за получением бесплатной медицинской помощи (см. рис. 3). В современной медицине приобрело форму обычая и закрепилось правило вознаграждать врача после успешной операции. Если выздоровевший пациент не сделает подарок лечащему врачу, это может быть расценено как неблагодарность. Рутинный характер получило правило отблагодарить небольшим подарком (той же шоколадкой) сотрудника регистратуры больницы, который запишет «по знакомству» к более квалифицированному врачу вне очереди, несмотря на то что другим пациентам придётся дольше дожидаться своей очереди. Как обычное явление воспринимается пациентами необходимость оплаты лекарственных препаратов, которые должны предоставляться бесплатно. Аналогичным образом необходимость внесения дополнительных платежей на детей, обучающихся в средней школе и в дошкольных учреждениях (2-е и 5-е места в рейтинге коррупционных ситуаций; см. рис. 3), воспринимается большинством родителей как обычная практика, хотя и признаётся ими, согласно социологическому опросу, коррупционным действием. Особенностью социального института является регулярное повторение устоявшихся норм поведения в типичной ситуации. Если обычным становится коррупционное поведение в мелких бытовых ситуациях, когда принято отблагодарить должностное лицо за небольшую услугу, то, приобретая рутинный характер, коррупционные практики воспроизводятся и при попытке получения крупной выгоды в незаконных условиях, когда взятка в несколько миллионов рублей воспринимается в качестве обычного способа достижения своей цели.

Ментальные модели социального института представляют собой выработанные в обществе стереотипы поведения на основе успешного прошлого опыта. В связи с этим важным элементом института становятся «работающие правила» (*working rules*), которые, по утверждению Дж. Р. Коммонса, представляют собой совокупность норм и правил для участников экономических отношений. Работающие правила формируются и изменяются под влиянием обычаев, прецедентов, установлений, привычек и обладают силой общественного закона, определяющего поведение людей в определённых ситуациях [Commons 1959: 704–707]. Работающие коррупционные правила легко и оперативно усваиваются в современном обществе. Большая часть бизнесменов (62%, как показано на рис. 10) могла бы вести свою хозяйственную деятельность и не прибегая к коррупционным практикам, но сложившиеся в какой-либо экономической сфере работающие правила, предусматривающие совершение коррупционных

действий, побуждают их следовать устоявшимся коррупционным нормам, которые являются общепринятыми. Так, во внешнеэкономической деятельности до полной замены бумажных таможенных деклараций на электронные распространённой практикой было вручение участником внешнеэкономической деятельности таможенному инспектору небольшого вознаграждения (1000–2000 руб.) за совершение законных действий, связанных с таможенным оформлением и досмотром груза. Получая такое вознаграждение, таможенный инспектор не совершал незаконных действий, связанных с освобождением от уплаты таможенных платежей, пропуском контрабанды и т. п., максимум, что он мог сделать, это ускорить процесс таможенного оформления и досмотра. Но отсутствие такого вознаграждения от декларанта могло быть расценено как неблагодарность и нарушение устоявшегося обычая. Таким образом, можно констатировать, что в российской коррупции укоренился второй компонент института, связанный с образованием неформальных ограничений и практик.

Третий компонент института, заключающийся в выработке механизмов принуждения, также проявляется в российской коррупции. Каждый социальный институт содержит набор санкций, принуждающих граждан следовать нормам и обычаям, свойственным данному институту, наказывая тех, кто не соблюдает эти нормы. Санкции бывают как официальными, в форме принуждения и наказания судебной системой и правоохранительными органами, так и неофициальными, вытекающими из норм и сложившихся практик взаимоотношений в рамках института. Дж. Р. Коммонс придаёт большое значение неофициальным санкциям института: если предприниматель не следует устоявшимся правилам делового оборота, то он прогорит, так как его конкуренты будут внедрять в свою практику новые работающие правила делового оборота. Проявление неформальных санкций Дж.Р. Коммонс рассматривает на примере действия института прибыли. В начале XX века стал расширяться безналичный способ оплаты торговых сделок в форме чеков, но не все торговцы соглашались поставлять товар за выписанные чеки, отказывая в поставке тем, кто не оплачивал товар наличными деньгами. Торговцы, не использовавшие чеки, начали терять клиентов и выручку, получать убытки. Осознавая, что отказ от безналичной формы расчёта приведёт к убыткам, которые будут постоянно расти, эти торговцы в погоне за прибылью были вынуждены внедрить в свои «работающие правила» новые способы финансовых расчётов. Словом, институт прибыли финансовыми санкциями принудил экономических субъектов применять новые правила делового оборота [Commons 1959: 706].

И в коррупционной сфере имеются санкции, заставляющие соблюдать сложившиеся правила, хотя эти санкции и не обладают официальной формой. Они заключаются в принуждении участников хозяйственной деятельности следовать неформальным коррупционным практикам, поскольку отказ от сложившихся коррупционных практик грозит потерей эффективности бизнеса или даже получением убытка. Не зря среди причин, побуждающих коррупционные действия, значатся необходимость обхода невыполнимых (противоречивых) требований законодательства, что показали 23,9% респондентов; не удаётся избежать коррупционных платежей 14,1% респондентов (см. рис. 10). Для целой группы предпринимателей Иркутской области коррупционные действия являются вынужденной мерой для сохранения бизнеса в условиях несовершенства законодательства и его правоприменения органами власти.

Несмотря на то что коррупция в России обладает двумя ключевыми компонентами, приводящими к её институционализации, нельзя признать коррупцию неизменным институтом, который не удастся искоренить. По своим признакам коррупция относится, скорее, к категории институциональных ловушек, заключающихся в формировании устойчивых неэффективных норм, обладающих самоподдерживающимся характером и имеющих альтернативные, более эффективные, но слабо работающие механизмы достижения общественных целей. Можно согласиться с А. В. Верниковым: устойчивость института, попавшего в институциональную ловушку, обеспечивается тем, что трансакционные издержки от его действия ниже, чем у альтернативных норм, а трансформационные издержки отказа от данной нормы и перехода на иную, наоборот, выше [Верников 2020: 27]. Иными словами, пока бизнесменам и отдель-

ным гражданам выгодно соблюдать коррупционные практики, альтернативные легальные способы получения государственных и муниципальных услуг не смогут их вытеснить.

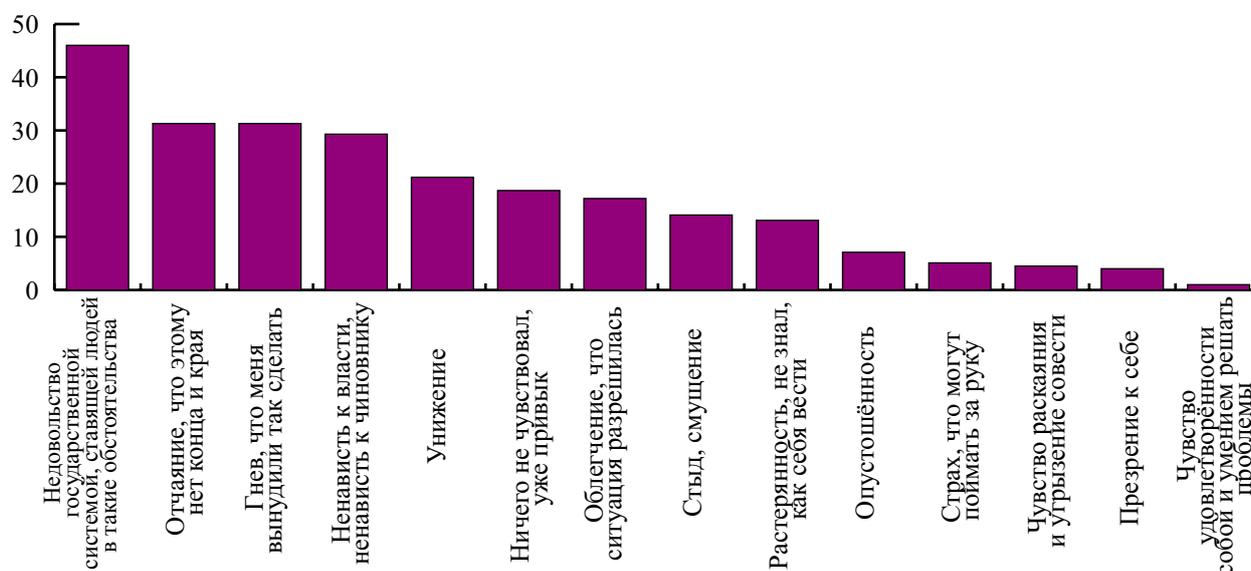

Рис. 11. Ощущения, которые испытывали лица, дававшие взятку (доля ответивших, %)

В силу того, что большую часть лиц, дававших взятку, принуждали совершить этот коррупционный поступок, чаще всего опрошенные жители Иркутской области испытывали недовольство сложившейся ситуацией. Как видно из данных, представленных на рисунке 11, почти половина респондентов выразили недовольство государственной системой, ставящей людей в такие обстоятельства. Следовательно, коррупция создаёт угрозу национальной безопасности: большинство граждан склонно винить в коррупции органы власти, распространяя обвинения в коррупции на всех чиновников, для которых, по мнению большинства респондентов, возможность обогащения таким способом является ведущей причиной того, чтобы занять должность в органах власти. Неслучайно большинство протестных выступлений в современном мире, в том числе приведших к смене власти в некоторых странах, проходит под эгидой борьбы с коррупцией. В то же время некоторая часть населения (19%) уже привыкла к коррупции и потеряла к ней чувствительность; 17% почувствовали облегчение из-за того, что ситуация разрешилась, то есть были вполне удовлетворены её развязкой; ещё 1% опрошенных испытали чувство удовлетворённости собой и своим умением решать проблемы. Можно сделать вывод, что большинство граждан негативно относятся к коррупционным действиям, даже если они их совершают с пользой для себя. В этом случае проявляется когнитивный диссонанс в поведении этих лиц: они осознают, что дача и получение взятки — это противоправный аморальный поступок, но вынуждены его совершать для получения каких-то выгод.

Заключение

При анализе результатов социологического опроса населения и представителей бизнеса Иркутской области о состоянии коррупции было установлено, что коррупция в регионе находится на относительно низком по сравнению с другими российскими регионами уровне. Вместе с тем имеются группы риска, в которых выше вероятность попадания в коррупционную ситуацию; также был выявлен ряд признаков, повышающих склонность к совершению коррупционных действий. К признакам, которые повышают вероятность попадания в коррупционную ситуацию, относятся: мужской пол; молодой (25–34 года) и пенсионный (65+ лет) возраст; высокое материальное положение; работа в качестве индивидуального предпринимателя, фермера. Признаками, повышающими вероятность выбора коррупционной модели поведения, являются мужской пол, предпенсионный (55–64 года) и пенсионный (65+ лет) возраст,

высокое материальное положение, работа в качестве индивидуального предпринимателя, фермера и руководителя. Это объясняется различными причинами, в том числе тем, что отсутствие материальных затруднений у богатых граждан позволяет им выплачивать вознаграждение коррупционеру (в отличие от бедных); лица пенсионного возраста чаще общаются с чиновниками по поводу получения государственных услуг (прежде всего, обладающих высокой коррупциогенностью, медицинских); мужчины чаще, чем женщины, выбирают более рискованную коррупционную модель поведения.

В результате исследования было установлено, что коррупция в России обладает компонентами, свойственными неформальным социальным институтам, в том числе наличием неформальных ограничений и практик, механизмов принуждения следованию коррупционным практикам. Это позволило подтвердить первоначальную гипотезу исследования о том, что коррупция в России все больше институционализируется. В настоящее время происходит закрепление норм и правил поведения лиц, попадающих в коррупциогенную ситуацию.

Полученные научные результаты могут быть использованы органами государственной власти для проведения политики по противодействию коррупции. Принимая во внимание, что большинство случаев коррупции было установлено при оказании бесплатной медицинской помощи, необходимо усовершенствовать порядок её предоставления. В частности, в ходе проведения дальнейших исследований планируется выявить конкретные виды медицинских услуг и связанных с их предоставлением ситуаций, повышающих риск коррупциогенности. Это позволит разработать конкретные меры по снижению коррупции в сфере медицины.

В ходе дальнейших исследований также планируется дополнить темы, затрагиваемые социологическим опросом, вопросами о состоянии политической коррупции, которая заключается в совершении противозаконных и направленных на завоевание и удержание власти действий физическими лицами, объединениями лиц и политическими партиями. Кроме того, к планам исследовательской группы относится расширение географии социологического опроса о состоянии коррупции. Планируется включить в число респондентов жителей и представителей бизнеса соседних с Иркутской областью регионов Сибири.

Приложение

Анкета социологического опроса о состоянии бытовой коррупции в Иркутской области

1. Вопросы об общих понятиях коррупционной практики

1. Какие проблемы нашего общества беспокоят Вас более всего в данный момент? (Выберите не более трёх вариантов ответа.)

- 1.1. Нехватка продуктов питания, товаров первой необходимости;
- 1.2. Уличная преступность, кражи;
- 1.3. Кризис морали, культуры, нравственности;
- 1.4. Организованная преступность, бандитизм;
- 1.5. Корыстность, взяточничество чиновников;
- 1.6. Угроза диктатуры;
- 1.7. Распространение наркомании;
- 1.8. Уход от идеалов демократии;
- 1.9. Отсутствие ясных целей, ориентиров развития страны;
- 1.10. Слабость, беспомощность государственной власти;
- 1.11. Задержки с выплатой зарплаты, пенсии;
- 1.12. Безработица;
- 1.13. Уход от идеалов демократии;
- 1.14. Другое (отметьте, что именно).

2. Какие действия Вы отнесли бы к коррупции? (Отметьте не более трёх вариантов ответа.)

- 2.1. Получение взятки;
- 2.2. Дача взятки;
- 2.3. Служебный подлог;
- 2.4. Коммерческий подкуп;
- 2.5. Воспрепятствование законной предпринимательской деятельности;
- 2.6. Вымогательство в личных целях;
- 2.7. Злоупотребление служебными полномочиями;
- 2.8. Подношение подарков должностным лицам;
- 2.9. Незаконное вознаграждение лицу, выполняющему управленческую функцию в коммерческой организации;
- 2.10. Незаконное финансирование политических партий и политиков;
- 2.11. Присвоение финансовых и имущественных ресурсов;
- 2.12. Регистрация за соответствующее вознаграждение незаконных сделок с землёй;
- 2.13. Использование бюджетных средств в личных целях.

3. Нередко можно услышать, что люди в высших органах власти нечестны, корыстны, приходят во власть только для своего обогащения. С каким высказыванием на эту тему Вы согласны в максимальной степени?

- 3.1. Меньшинство людей в высших органах власти берут взятки;
- 3.2. Большинство людей в органах власти берут взятки;
- 3.3. Ни то, ни другое, примерно поровну.

4. Оцените уровень коррупции в органах власти Иркутской области, выбрав соответствующий номер по каждой строке в таблице.

Органы власти	Очень высокий	Высокий	Средний	Низкий
Исполнительная власть на региональном уровне	01	02	03	04
Исполнительная власть на муниципальном уровне	01	02	03	04
Исполнительная власть на местном уровне	01	02	03	04
Полиция, органы внутренних дел	01	02	03	04
Прокуратура	01	02	03	04
ГИБДД	01	02	03	04
Налоговые органы	01	02	03	04
Ростехнадзор	01	02	03	04
Органы противопожарного надзора, МЧС	01	02	03	04
Роспотребнадзор	01	02	03	04
Органы по охране природных ресурсов и окружающей среды	01	02	03	04
Органы по охране труда	01	02	03	04
Органы, занимающиеся предоставлением в аренду помещений, находящихся в государственной (муниципальной) собственности	01	02	03	04
Органы по реализации государственной (муниципальной) политики в сфере торговли, питания и услуг	01	02	03	04
Органы по архитектуре и строительству (БТИ и др.)	01	02	03	04
Таможня	01	02	03	04
Военкомат (военный комиссариат)	01	02	03	04
Росреестр	01	02	03	04
Судебная система	01	02	03	04
Система образования	01	02	03	04
Система здравоохранения	01	02	03	04
Система ЖКХ	01	02	03	04
Система социального обеспечения	01	02	03	04
Политические партии	01	02	03	04
Частное предпринимательство	01	02	03	04
Общественные некоммерческие организации, фонды, автономные некоммерческие организации	01	02	03	04

II. Вопросы о бытовой коррупции

5. Как часто Вам приходится сталкиваться со взяточничеством, коррупцией в Иркутской области? Оцените частоту столкновения с коррупционной ситуацией в регионе, выбрав соответствующий номер по каждой строке таблицы.

Коррупционная ситуация	Очень часто	Довольно часто	Время от времени	Редко	Никогда	Затрудняюсь сказать
Получение бесплатной медицинской помощи	01	02	03	04	05	06
Поступление ребёнка в дошкольное учреждение	01	02	03	04	05	06
Поступление в школу (обучение, взнос, благодарность и т. д.)	01	02	03	04	05	06
Поступление в вуз (перевод, экзамены, диплом)	01	02	03	04	05	06
Оформление, перерасчёт пенсии	01	02	03	04	05	06
Решение проблем в связи с призывом в армию	01	02	03	04	05	06
Получение услуг по ремонту, эксплуатации жилья	01	02	03	04	05	06
Получение помощи и защиты в полиции	01	02	03	04	05	06
Обращение в суд	01	02	03	04	05	06
Получение регистрации, разрешения на оружие, паспорта и т. д.	01	02	03	04	05	06
Урегулирование ситуации с автоинспекцией	01	02	03	04	05	06
Обеспечение нужного судебного решения	01	02	03	04	05	06
Покупка места в органе представительной власти	01	02	03	04	05	06
Регистрация сделки с недвижимостью	01	02	03	04	05	06
Открытие нового дела	01	02	03	04	05	06
Решение проблемы со сдачей отчётности	01	02	03	04	05	06

6. Каковы, на Ваш взгляд, причины существования коррупции в стране? (Отметьте не более трёх вариантов ответа.)

- 6.1. Система взаимоотношений во властных структурах;
- 6.2. Недостаточный уровень заработной платы чиновников;
- 6.3. Недостатки государственной политики в отношении предпринимательства;
- 6.4. Отсутствие открытости, подотчётности и подконтрольности должностных лиц;
- 6.5. Временность и неустойчивость служебного положения, в силу чего должностные лица стремятся обогатиться любым способом за непродолжительный период;
- 6.6. Отношение должностных лиц к своим обязанностям как к источнику обогащения;
- 6.7. Безднаказанность коррупционеров;
- 6.8. Неэффективность судебной системы;
- 6.9. Толерантность общества к коррупционерам;
- 6.10. Несовершенство законодательства в части борьбы с коррупцией;
- 6.11. Другое (отметьте, что именно) _____;
- 6.12. Затрудняюсь ответить.

7. Попадали ли Вы в ближайшие год-два в коррупционную ситуацию?

- 7.1. Да;
7.2. Нет (перейти к вопросу 11).

8. Какую проблему Вам пришлось решать? (Выберите не более трёх вариантов ответа.)

- 8.1. Получение бесплатной медицинской помощи;
8.2. Поступление ребёнка в дошкольное учреждение;
8.3. Поступление в школу (обучение, взнос, благодарность и т. д.);
8.4. Поступление в вуз (перевод, экзамены, диплом);
8.5. Оформление, перерасчёт пенсии;
8.6. Решение проблем в связи с призывом в армию;
8.7. Получение услуг по ремонту, эксплуатации жилья;
8.8. Получение помощи и защиты в полиции;
8.9. Обращение в суд;
8.10. Получение регистрации, паспорта, разрешения на оружие и т. д.;
8.11. Урегулирование ситуации с автоинспекцией;
8.12. Обеспечение нужного судебного решения;
8.13. Покупка места в органе представительной власти;
8.14. Регистрация сделки с недвижимостью;
8.15. Открытие нового дела;
8.16. Решение проблемы со сдачей отчётности;
8.17. Другое (отметьте, что именно) _____;
8.18. Затрудняюсь ответить.

9. Давали ли Вы в этой ситуации взятку?

- 9.1. Да;
9.1. Нет (перейти к вопросу 11).

10. Как Вы описали бы свои ощущения от того, что Вам пришлось дать взятку? (Отметьте не более двух вариантов ответа.)

- 10.1. Ничего не чувствовал, уже привык;
10.2. Страх, что могут поймать за руку;
10.3. Стыд, смущение;
10.4. Ненависть к власти, ненависть к чиновнику;
10.5. Недовольство государственной системой, ставящей людей в такие обстоятельства;
10.6. Унижение;
10.7. Опустошённость;
10.8. Отчаяние, что этому нет ни конца и ни края;
10.9. Растерянность, не знал, как себя вести;
10.10. Гнев, что меня вынудили так сделать;
10.11. Облегчение, что ситуация разрешилась;
10.12. Чувство раскаяния и угрызение совести;
10.13. Чувство удовлетворённости собой и умением решать проблемы;
10.14. Презрение к себе;
10.15. Другое (отметьте, что именно) _____;
10.16. Затрудняюсь ответить.

11. Известно ли Вам, за какую в среднем сумму взятки можно получить результат от взаимодействия с представителями органов власти в ситуациях, о которых мы с Вами говорили?

- 11.1. Менее 5000 рублей;
- 11.2. От 5000 до 20 000 рублей;
- 11.3. От 20 000 до 50 000 рублей;
- 11.4. От 50 000 до 100 000 рублей;
- 11.5. От 100 000 до 500 000 рублей;
- 11.6. От 500 000 рублей и выше;
- 11.7. Нет, не знаю.

12. Укажите, насколько вероятно было решение той проблемы без взятки.

- 12.1. Большая вероятность, что можно было решить и без взятки;
- 12.2. В принципе, данную проблему можно было решить и без взятки;
- 12.3. По-другому решить эту ситуацию было нельзя;
- 12.4. Затрудняюсь ответить.

13. Как Вы относитесь к тому, что приходится давать взятки должностным лицам?

- 13.1. Отвратительно;
- 13.2. Плохо;
- 13.3. Посредственно;
- 13.4. Хорошо;
- 13.5. Отлично.

14. Сталкивались ли Вы лично за последние год-два, что какой-нибудь государственный служащий (должностное лицо) просил Вас о неофициальной плате, услуге за свою работу?

- 14.1. Да;
- 14.2. Нет.

15. Какого рода была данная коррупционная ситуация?

---

16. Назовите, пожалуйста, причину, по которой Вы точно не стали бы давать взятку.

- 16.1. Для меня это слишком дорого;
- 16.2. Мне противно это делать;
- 16.3. Не знаю, как это делается; неудобно;
- 16.4. Я принципиально не даю взяток, даже если все это делают;
- 16.5. Могу добиться своего и без взяток, другими путём;
- 16.6. Я боюсь, что меня поймают и накажут;
- 16.7. Другое (отметьте, что именно) _____;
- 16.8. Затрудняюсь ответить.

III. Вопросы о перспективах противодействия коррупции

17. Верите ли Вы в неотвратимость наказания для лиц, берущих взятки?

- 17.1. Да, безусловно;
- 17.2. Скорее да, чем нет;
- 17.3. Скорее нет, чем да;
- 17.4. Нет;
- 17.5. Затрудняюсь ответить.

18. Существуют различные суждения о нашей судебной системе, наших судьях. Оцените по 5-балльной шкале нижеследующие суждения, где 5 — высший балл, 1 — низший балл.

Суждения	5	4	3	2	1
У нас в судах выигрывает тот, кто больше заплатит	01	02	03	04	05
Многие не хотят обращаться в суд, поскольку слишком дороги неофициальные затраты	01	02	03	04	05
Судьи у нас плохо защищены, получают небольшую зарплату, поэтому могут брать взятки	01	02	03	04	05

19. Предположим, что Вам выпало определять стратегию выбора борьбы с коррупцией в России. Какое из следующих высказываний лучше всего отражает стратегию, которую Вы выбрали бы?

- 19.1. Надо сменить бесчестных руководителей на других;
- 19.2. Необходимо беспощадно наказывать всех коррупционеров;
- 19.3. Прежде всего, надо устранять условия, порождающие коррупцию;
- 19.4. Никакая стратегия не поможет, бороться с коррупцией бесполезно;
- 19.5. Свой вариант _____;
- 19.6. Затрудняюсь ответить.

IV. Вопросы о респондентах

20. Ваш возраст:

- 20.1. 25–34 года;
- 20.2. 35–44 года;
- 20.3. 45–54 года;
- 20.4. 55–64 года.

21. Ваш пол:

- 21.1. Мужской;
- 21.2. Женский.

22. Ваше материальное положение:

- 22.1. Очень низкий, живу в крайней нужде;
- 22.2. Ниже среднего, денег на многое не хватает;

- 22.3. Средний, денег хватает лишь на основные закупки;
- 22.4. Сравнительно высокий, хотя некоторые покупки не по карману;
- 22.5. Высокий, материальных затруднений нет.

23. Ваш социальный статус:

- 23.1. Рабочий;
- 23.2. Служащий, технический исполнитель;
- 23.3. Специалист;
- 23.4. Руководитель подразделения;
- 23.5. Руководитель высшего звена предприятия;
- 23.6. Индивидуальный предприниматель;
- 23.7. Фермер.

24. Род деятельности:

- 24.1. Сельское, лесное хозяйство, рыболовство, рыбоводство;
- 24.2. Добыча полезных ископаемых;
- 24.3. Обрабатывающие производства;
- 24.4. Услуги ЖКХ, в том числе обеспечение электроэнергией, водоснабжение, организация и сбор отходов;
- 24.5. Строительство;
- 24.6. Торговля оптовая и розничная;
- 24.7. Транспорт, складское хозяйство;
- 24.8. Деятельность гостиниц и общественного питания;
- 24.9. Информационные технологии, связь, Интернет;
- 24.10. Финансовая сфера, банковские услуги, страхование;
- 24.11. Административная деятельность, в том числе обеспечение безопасности;
- 24.12. Государственное и местное самоуправление, социальное обеспечение;
- 24.13. Образование и наука;
- 24.14. Здравоохранение и социальные услуги;
- 24.15. Культура, спорт, досуг, развлечения.

25. Тип предприятия, организации, на котором Вы работаете:

- 25.1. Общественная или некоммерческая организация (АНО, фонд, партия, общественное движение, профсоюз);
- 25.2. Работаю в кооперативе, у индивидуального предпринимателя;
- 25.3. Частное предприятие (акционерное общество, общество с ограниченной ответственностью и др.);
- 25.4. Государственное унитарное предприятие, муниципальное унитарное предприятие;
- 25.5. Государственное, муниципальное учреждение, органы управления, воинская часть.

Спасибо за сотрудничество!

Литература

- Барсукова С. Ю. 2005. Структура и институты неформальной экономики. *Социологический журнал*. 3: 118–134.
- Белокрылов К. А., Рунова Л. П., Пиронко М. В. 2016. Статистическое исследование коррупции в регионе (на примере Ростовской области). *Journal of Economic Regulation* (Вопросы регулирования экономики). 7 (3): 34–43.
- Беркович М. И. et al. 2019. Восприятие коррупции как социально-экономического феномена населением региона: структурный аспект. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 12 (2): 161–178.
- Бочарникова И. С., Тырнова Н. А. 2022. Оценка коррупционных проявлений в органах власти: социологический аспект. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2 (53): 16–22.
- Верников А. В. 2020. «Институциональная ловушка»: научный термин или красивая метафора? *Журнал институциональных исследований*. 12 (2): 25–37. doi: [10.17835/2076-6297.2020.12.2.025-037](https://doi.org/10.17835/2076-6297.2020.12.2.025-037)
- Воробьёв В. П., Мурзина И. А. 2020. К вопросу об эффективном использовании социологических методов при анализе уровня коррупции в обществе. *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*. 3 (55): 92–99.
- Глухова А. А., Иудин А. А., Шпилев Д. А. 2020. Особенности восприятия населением коррупционной преступности в Нижегородской области: криминологический анализ. *Регионоведение*. 28 (2 [111]): 350–376.
- Заливанский Б. В., Самохвалова Е. В., Полухин О. Н. 2021. Восприятие масштабов распространения коррупции региональным сообществом. *Власть*. 29 (6): 112–117.
- Клеймёнов Е. А., Чепиков Е. В. 2020. Состояние антикоррупционного просвещения граждан на Дальнем Востоке: социологическое измерение. *Власть и управление на Востоке России*. 2 (91): 146–157.
- Коголь Т. Н., Иванова А. Н. 2018. Коррупционные риски сотрудников уголовно-исполнительной системы, ответственных за выполнение закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных нужд (на материалах социологического исследования). *Вестник Кузбасского института*. 2 (35): 51–60.
- Кузьминов Я. И., Бендукидзе К. А., Юдкевич М. М. 2006. *Курс институциональной экономики: институты, сети транзакционные издержки, контракты*. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Макарова М. Н., Вахрушев Р. В. 2013. Проблема коррупции в высшем образовании: взгляд студентов. *Клио*. 2 (74): 124–128.
- Максименко А. А. et al. 2020. Отношение россиян к коррупции. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*. 13 (4): 407–428. doi: [10.21638/spbu12.2020.404](https://doi.org/10.21638/spbu12.2020.404)
- Матвеева Е. В., Гладких С. С. 2021. Коррупция в системе государственной гражданской службы в общественных оценках (на материалах регионального исследования). *Вестник Забайкальского государственного университета*. 27 (6): 80–89.

- Морозова Е. А., Пфетцер С. А., Сухачёва А. В. 2017. Социологические методы изучения коррупции и борьбы с ней в системе образования. *Профессиональное образование в России и за рубежом*. 3 (27): 126–136.
- Никифорова О. А. 2019. Восприятие населением уровня коррупции в профессиональных сферах. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*. 12 (1): 51–66. doi: [10.21638/spbu12.2019.104](https://doi.org/10.21638/spbu12.2019.104)
- Паршков А. В., Рахмаев Э. С., Нуждин А. А. 2019. Криминологическое исследование уровня коррупции среди работников уголовно-исполнительной системы. *Человек: преступление и наказание*. 27 (3): 324–329.
- Салахова Л. Р. 2010. Общественное мнение как ресурс борьбы с коррупцией (по материалам социологического опроса в Республике Татарстан). *Вестник экономики, права и социологии*. 1: 127–131.
- Сатаров Г. А. (отв. ред.) 2013. *Российская коррупция: уровень, структура, динамика. Опыты социологического анализа*. М.: Фонд «Либеральная Миссия».
- Саяпин А. В., Харитоновна Е. В. 2018. Теневые отношения в российских вузах и качество высшего образования. *Социально-экономические явления и процессы*. 13 (3 [103]): 59–64.
- Сигурова О. Ю. 2022. Способы и методы, применяемые при оценке коррупции. *Вестник Российского университета кооперации*. 1 (47): 122–126.
- Сидорина Т. В. 2020. Взятничество как проявление коррупции на материалах Ростовской области. *Вестник евразийской науки*. 12 (1): 63–72.
- Спирина А. С. 2020. Уровень вовлеченности населения Алтайского края в коррупционные практики. *Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве*. 1 (9): 193–201.
- Устинова О. В. 2011. Готовность населения противостоять коррупции в органах власти. *Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика*. 2: 42–46.
- Хашаева А. Б., Оконов Б. А. 2019. О социологических исследованиях по определению уровня коррупции в Республике Калмыкия (2011–2018 гг.). *Вестник Института комплексных исследований аридных территорий*. 1 (38): 100–105.
- Шедий М. В., Малик Е. Н. 2019. Коррупция и российское общество: аномалия или норма. *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право*. 9 (2 [31]): 145–155.
- Armantier O., Boly A. 2011. A controlled field experiment on corruption. *European Economic Review*. 55 (8): 1072–1082.
- Barr A., Serra D. 2010. Corruption and Culture: An Experimental Analysis. *Journal of Public Economics*. 94 (11–12): 862–869.
- Benno T., Neven V. 2006. Corruption and Age. *Journal of Bioeconomics*. 8 (August): 133–145.
- Budsaratragoon P., Jitmaneeroj B. 2020. A Critique on the Corruption Perceptions Index: An Interdisciplinary Approach. *Socio-Economic Planning Sciences*. 70 (June): art. 100768.

- Commons J. R. 1959. *Institutional Economics: Its Place in Political Economy*. Madison: University of Wisconsin Press.
- Dong B., Torgler B. 2009. Corruption and Political Interest: Empirical Evidence at the Micro Level. *Journal of Interdisciplinary Economics*. 21: 295–325.
- Frank B., Schulze G. G. 2000. Does Economics Make Citizens Corrupt? *Journal of Economic Behavior and Organization*. 43 (1): 101–113.
- Gupta S., Davoodi H., Alonso-Terme R. 2002. Does Corruption Affect Income Inequality and Poverty? *Economics of Governance*. 3: 23–45.
- Huntington S. 1968. *Political Order in Changing Societies*. New Haven: Yale University Press.
- Mauro P. 1995. Corruption and Growth. *The Quarterly Journal of Economics*. 110 (3): 681–712.
- Meon P. G., Sekkat K. 2005. Does Corruption Grease or Sand the Wheels of Growth? *Public Choice*. 122 (January): 69–97.
- Lee W.-S., Guven C. 2013. Engaging in Corruption: The Influence of Cultural Values and Contagion Effects at the Microlevel. *Journal of Economic Psychology*. 39 (December): 287–300.
- Lui F. 1985. An Equilibrium Queuing Model of Bribery. *Journal of Political Economy*. 93 (4): 760–781.
- Köbis N. C. et al. 2015. “Who Doesn’t?” — The Impact of Descriptive Norms on Corruption. *PLoS ONE*. 10 (6): 1–14.
- Olken B. 2009. Corruption Perceptions vs Corruption Reality. *Journal of Public Economics*. 93 (7–8): 950–964.
- Plummer J. (ed.) 2012. Corruption in the Mining Sector: Preliminary Overview. In: Plummer J. (ed.): *Diagnosing Corruption in Ethiopia. Perceptions, Realities, and the Way Forward for Key Sectors*. Washington, DC: The World Bank; 377–417.
- Ryvkin D., Serra D., Tremewan J. 2017. I Paid a Bribe: An Experiment on Information Sharing and Extortory Corruption. *European Economic Review*. 94 (C): 1–22.
- Shaxson N. 2007. Oil, Corruption and the Resource Curse. *International Affairs*. 83 (6): 1123–1140.
- Sole-Olle P., Sorribas-Navarro P. 2018. Trust no More? On the Lasting Effects of Corruption Scandals. *European Journal of Political Economy*. 55: 185–203.
- Tan X. et al. 2016. The Effect of Self-Esteem on Corrupt Intention: The Mediating Role of Materialism. *Frontiers in Psychology*. 7 (July): art. 1063. doi: [10.3389/fpsyg.2016.01063](https://doi.org/10.3389/fpsyg.2016.01063)

BEYOND BORDERS

Dmitry Fedotov, Svetlana Inkizhinova, Denis Shkurin

Measuring Corruption in the Irkutsk Region: A Sociological Approach

FEDOTOV, Dmitry — Doctor of Economics, Associate Professor, Main Researcher at the Institute for Research on Socio-Economic Transformations and Financial Policy of the Financial University under the Government of the Russian Federation. Address: 49/2 Leningradsky Ave., 125167, Moscow, Russian Federation. Professor of the Department of International Relations and Customs Affairs of Baikal State University. Address: 11 Lenin str., 664007, Irkutsk, Russian Federation.

Email: fdy@inbox.ru

INKIZHINOVA, Svetlana — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Chairman of the Irkutsk Regional Branch of the Russian Society of Sociologists. Address: 236b/4 Baikal str., 664075, Irkutsk, Russian Federation.

Email: kiciom2014@yandex.ru

SHKURIN, Denis — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Applied Sociology of the Department of Political Science and Sociology of the Ural Federal University. Address: 19 Mira str., 620002, Yekaterinburg, Russian Federation.

Email: vortexinform@gmail.com

Abstract

The article examines the problems of corruption in the Irkutsk region, an industrial area located in Siberia. The Irkutsk region was chosen as the object of the study. The objective of the study is to identify the factors influencing the level of corruption in the Irkutsk region. As a hypothesis of the study, the assumption is put forward that the institutionalization of corruption processes within Russian society is currently taking place. To measure the level of corruption in the Irkutsk region, a methodology of sociological research of the level and characteristics of corruption in the region has been developed and applied. The study employed a survey method on an online panel. As a result of the study, it was found that the level of domestic corruption in the Irkutsk region, measured at 13.0% in 2022, is slightly lower compared to other Russian regions. Most often, the population faces domestic corruption when receiving free medical care and due to the need for additional payments in secondary schools. During the study, risk groups were identified among respondents with a higher probability of getting into a corrupt situation. Also, a number of characteristics were identified that increase the propensity to engage in corrupt actions, including: being male, older (55–64 years) or of retirement age (65 years +), having a high financial status, and working as an individual entrepreneur, farmer or manager. It was found that the amount of business corruption in the Irkutsk region was 21.4% among the respondents representing business. The study reveals the purposes behind corruption actions committed by business representatives. It shows that corruption in the Irkutsk region is deeply entrenched in the form of a social institution, characterized by institutional components such as informal norms and mechanisms of coercion that compel adherence to corrupt practices. The obtained scientific results can be used to inform the implementation of the state anti-corruption policies.

Keywords: corruption; regional economy; sociological survey; social institute; domestic corruption; business corruption; Irkutsk region

Acknowledgements

The research was funded through the state assignment of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

References

- Armantier O., Boly A. (2011) A Controlled Field Experiment on Corruption. *European Economic Review*, vol. 55, no 8, pp. 1072–1082.
- Barr A., Serra D. (2010) Corruption and Culture: An Experimental Analysis. *Journal of Public Economics*, vol. 94, no 11–12, pp. 862–869.
- Barsukova S. Yu. (2005) Struktura i instituty nephormal'noy ekonomiki [The structure and institutions of the informal economy]. *Sociological Journal = Sotsiologicheskij Zhurnal*, no 3, pp. 118–134 (in Russian).
- Belokrylov K. A., Runova L. P., Pirinko M. V. (2016) Statisticheskoe issledovanie korruptsii v regione (na primere Rostovskoy oblasti) [Statistical management in the Republic (On the Example of the Rostov Region)]. *Journal of Economic Regulation = Voprosy regulirovaniya ekonomiki*, vol. 7, no 3, pp. 34–43 (in Russian).
- Benno T., Neven V. (2006) Corruption and Age. *Journal of Bioeconomics*, vol. 8 (August), pp. 133–145.
- Berkovich M. I., Dukhanina L. N., Maksimenko A. A., Nadutkina I. E. (2019) Vospriyatie korruptsii kak sotsial'no-ekonomicheskogo phenomena naseleniem regiona: strukturnyy aspekt [Perception of Corruption as a Socio-Economic Phenomenon by The Population of the Region: Structural Aspect]. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast = Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: phakty, tendentsii, prognoz*, vol. 12, no 2, pp. 161–178 (in Russian).
- Bocharnikova I. S., Tarnova N. A. (2022) Otsenka korruptsionnykh proyavleniy v organakh vlasti: sotsiologicheskij aspekt [Assessment of Corruption Manifestations in Government: A Sociological Aspect]. *Kazan Socially-Humanitarian Bulletin = Kazanskij social'no-gumanitarnyj vestnik*, no 2 (53), pp. 16–22 (in Russian).
- Budsaratragoon P., Jitmaneeroj B. (2020) A Critique on the Corruption Perceptions Index: An Interdisciplinary Approach. *Socio-Economic Planning Sciences*, vol. 70 (June): art. 100768.
- Commons J. R. (1959) *Institutional Economics: Its Place in Political Economy*, Madison: University of Wisconsin Press.
- Dong B., Torgler B. (2009) Corruption and Political Interest: Empirical Evidence at the Micro Level. *Journal of Interdisciplinary Economics*, vol. 21, pp. 295–325.
- Frank B., Schulze G. G. (2000) Does Economics Make Citizens Corrupt? *Journal of Economic Behavior and Organization*, vol. 43, no 1, pp. 101–113.
- Glukhova A. A., Yudin A. A., Shpilev D. A. (2020) Osobennosti vospriyatiya naseleniem korruptsionnoy prestupnosti v Nizhegorodskoy oblasti: kriminologo-sotsiologicheskij analiz [Features of Public Perception of Corruption Crime in the Nizhny Novgorod Region: Criminological and Sociological Analysis]. *Russian Journal of Regional Studies = Regionologiya*, vol. 28, no 2 (111), pp. 350–376 (in Russian).
- Gupta S., Davoodi H., Alonso-Terme R. (2002) Does Corruption Affect Income Inequality and Poverty? *Economics of Governance*, vol. 3, pp. 23–45.

- Huntington S. (1968) *Political Order in Changing Societies*, New Haven: Yale University Press.
- Khashaeva A. B., Okonov B. A. (2019) O sotsiologicheskikh issledovaniyakh po opredeleniyu urovnya korruptsii v Respublike Kalmykiya (2011–2018 gg.) [On Sociological Research to Determine the Level of Corruption in the Republic of Kalmykia (2011–2018)]. *Bulletin of the Institute of Complex Studies of Arid Territories = Vestnik Instituta kompleksnykh issledovaniy aridnykh territorij*, no 1 (38), pp. 100–105 (in Russian).
- Kleimenov E. A., Chepikov E. V. (2020) Sostoyanie antikorrupsionnogo prosveshcheniya grazhdan na Dal'nem Vostoke: sotsiologicheskoe izmerenie [The State of Anti-Corruption Education of Citizens in the Far East: A Sociological Dimension]. *Power and Administration in the East of Russia = Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii*, no 2 (91), pp. 146–157 (in Russian).
- Kogol T. N., Ivanova A. N. (2018) Korruptsionnye riski sotrudnikov ugovovno-ispolnitel'noy sistemy, otvetstvennykh za vypolnenie zakupok tovarov, rabot i uslug dlya obespecheniya gosudarstvennykh nuzhd (na materialakh sotsiologicheskogo issledovaniya) [Corruption Risks of Employees of the Penal Enforcement System Responsible for the Procurement Of Goods, Works and Services to Meet State Needs (Based on the Materials of a Sociological Study)]. *Bulletin of the Kuzbass Institute = Vestnik Kuzbasskogo instituta*, no 2 (35), pp. 51–60 (in Russian).
- Köbis N. C., Prooijen J.-W. van, Righetti F., Lange P. A. M. van. (2015) “Who Doesn’t?” — The Impact of Descriptive Norms on Corruption. *PLoS ONE*, vol. 10, no 6, pp. 1–14.
- Kuzminov Ya. I., Bendukidze K. A., Yudkevich M. M. (2006) *Kurs institutsional'noy ekonomiki: instituty, seti transaktsionnye izderzhki, kontrakty* [Course of Institutional Economics: Institutions, Networks Transaction Costs, Contracts], Moscow: HSE Publishing House (in Russian).
- Lee W.-S., Guven C. (2013) Engaging in Corruption: The Influence of Cultural Values and Contagion Effects at the Microlevel. *Journal of Economic Psychology*, vol. 39 (December), pp. 287–300.
- Lui F. (1985) An Equilibrium Queuing Model of Bribery. *Journal of Political Economy*, vol. 93, no 4, pp. 760–781.
- Makarova M. N., Vakhrushev R. V. (2013) Problema korruptsii v vysshem obrazovanii: vzglyad studentov [The Problem of Corruption in Higher Education: The View of Students]. *Klio = Klio*, no 2 (74), pp. 124–128 (in Russian).
- Maksimenko A. A., Deineka O. S., Krylova D. V., Dukhanina L. N. (2020) Otnoshenie rossiyan k korruptsii [The attitude of Russians towards corruption]. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology = Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociologiya*, vol. 13, no 4, pp. 407–428. doi: 10.21638/spbu12.2020.404 (in Russian).
- Matveeva E. V., Gladkikh S. S. (2021) Korruptsiya v sisteme gosudarstvennoy grazhdanskoy sluzhby v obshchestvennykh otsenkakh (na materialakh regional'nogo issledovaniya) [Corruption in the System of State Civil Service in Public Assessments (Based on the Materials of a Regional Study)]. *Transbaikal State University Journal = Vestnik Zabaykal'skogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 27, no 6, pp. 80–89 (in Russian).
- Mauro P. (1995) Corruption and Growth. *The Quarterly Journal of Economics*, vol. 110, no 3, pp. 681–712.

- Meon P. G., Sekkat K. (2005) Does Corruption Grease or Sand the Wheels of Growth? *Public Choice*, vol. 122 (January), pp. 69–97.
- Morozova E. A., Pfetzer S. A., Sukhacheva A. V. (2017) Sotsiologicheskie metody izucheniya korruptsii i bor'by s ney v sisteme obrazovaniya [Sociological Methods of Studying Corruption and Combating It in the Education System]. *Professional Education in Russia and Abroad= Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom*, no 3 (27), pp. 126–136 (in Russian).
- Nikiforova O. A. (2019) Vospriyatie naseleniem urovnya korruptsii v professional'nykh sferakh [Public Perception of Corruption Level in Professional Spheres]. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology = Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociologiya*, vol. 12, no 1, pp. 51–66. doi: [10.21638/spbu12.2019.104](https://doi.org/10.21638/spbu12.2019.104) (in Russian).
- Olken B. (2009) Corruption Perceptions vs Corruption Reality. *Journal of Public Economics*, vol. 93, iss. 7–8, pp. 950–964.
- Parshkov A. V., Rakhmaev E. S., Nuzhdin A.A. (2019) Kriminologicheskoe issledovanie urovnya korruptsii sredi rabotnikov ugolovno-ispolnitel'noy sistemy [Criminological Study of the Level of Corruption among Employees of the Penal System]. *Man: Crime and Punishment = Chelovek: prestuplenie i nakazanie*, vol. 27, no 3, pp. 324–329 (in Russian).
- Plummer J. (ed.) (2012) Corruption in the Mining Sector: Preliminary Overview.: *Diagnosing Corruption in Ethiopia. Perceptions, Realities, and the Way Forward for Key Sectors* (ed. J. Plummer), Washington, DC: The World Bank, pp. 377–417.
- Ryvkin D., Serra D., Tremewan J. (2017) I Paid a Bribe: An Experiment on Information Sharing and Extortory Corruption. *European Economic Review*, vol. 94 (C), pp. 1–22.
- Salakhova L. R. (2010) Obshchestvennoe mnenie kak resurs bor'by s korruptsией (po materialam sotsiologicheskogo oprosa v Respublike Tatarstan) [Public Opinion as a Resource for Fighting Corruption (Based on the Materials of a Sociological Survey in the Republic of Tatarstan)]. *The Review of Economy, the Law and Sociology = Vestnik ekonomiki, prava i sociologii*, no 1, pp. 127–131 (in Russian).
- Satarov G. A. (ed.) (2013) *Rossiyskaya korruptsiya: uroven, struktura, dinamika. Opyty sotsiologicheskogo analiza* [Russian Corruption: Level, Structure, Dynamics. Experiments of Sociological Analysis], Moscow: Liberal Mission Foundation (in Russian).
- Sayapin A. V., Kharitonova E. V. (2018) Tenevye otnosheniya v rossiyskikh vuzakh i kachestvo vysshego obrazovaniya [Shadow Relations in Russian Universities and the Quality of Higher Education]. *Socio-Economic Phenomena and Processes= Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsess*, vol. 13, no 3 (103), pp. 59–64 (in Russian).
- Shaxson N. (2007) Oil, Corruption and the Resource Curse. *International Affairs*, vo. 83, no 6, pp. 1123–1140.
- Shediy M. V., Malik E. N. (2019) Korruptsiya i rossiyskoe obshchestvo: anomal'iya ili norma [Corruption and Russian Society: Anomaly or Norm]. *Proceedings of Southwest State University. The series: History and Law = Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i parvo*, vol. 9, no 2 (31), pp. 145–155 (in Russian).

- Sidorina T. V. (2020) Vzyatochnichestvo kak proyavlenie korruptsii na materialakh Rostovskoy oblasti [Bribery as a manifestation of corruption on the materials of the Rostov region]. *The Eurasian Scientific Journal = Vestnik Evraziyskoy nauki*, vol. 12, no 1, pp. 63–72 (in Russian).
- Sigurova O. Yu. (2022) Sposoby i metody, primenyaemye pri otsenke korruptsii [Methods and Methods Used in Assessing Corruption]. *Vestnik of the Russian University of Cooperation = Vestnik Rossijskogo universiteta kooperacii*, no 1 (47), pp. 122–126 (in Russian).
- Sole-Olle P., Sorribas-Navarro P. (2018) Trust no More? On the Lasting Effects of Corruption Scandals. *European Journal of Political Economy*, vol. 55, pp. 185–203.
- Spirina A. S. (2020) Uroven' вовлеченности naseleniya Altayskogo kraya v korruptsionnye praktiki [The Level of Involvement of the Population of the Altai Territory in Corruption Practices]. *Social Integration and Development of Ethnic Cultures in the Eurasian Space = Sotsial'naya integratsiya i razvitie etnokul'tur v evraziyskom prostranstve*, vol. 1, no 9, pp. 193–201 (in Russian).
- Tan X., Liang Y., Liu L., Huang Zh., Dang J., Zheng W. (2016) The Effect of Self-Esteem on Corrupt Intention: The Mediating Role of Materialism. *Frontiers in Psychology*, vol. 7 (July), art. 1063. doi: [10.3389/fpsyg.2016.01063](https://doi.org/10.3389/fpsyg.2016.01063)
- Ustinova O. V. (2011) Gotovnost' naseleniya protivostoyat' korruptsii v organakh vlasti [Readiness of the Population to Resist Corruption in Government]. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics = Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenij. Sociologiya. Ekonomika. Politika*, no 2, pp. 42–46 (in Russian).
- Vernikov A. V. (2020) “Institutsional'naya lovushka”: nauchnyy termin ili krasivaya metaphora? [“Institutional Trap”: A Scientific Term or a Beautiful Metaphor?]. *Journal of Institutional Studies = Zhurnal institucional'nykh issledovanij*, vol. 12, no 2, pp. 25–37. doi: [10.17835/2076-6297.2020.12.2.025-037](https://doi.org/10.17835/2076-6297.2020.12.2.025-037) (in Russian).
- Vorob'ev V. P., Murzina I. A. (2020) K voprosu ob ephpektivnom ispol'zovanii sotsiologicheskikh metodov pri analize urovnya korruptsii v obshchestve [On the Question of the Effective Use of Sociological Methods in the Analysis of the Corruption Level in Society]. *University Proceedings. Volga Region. Social Sciences = Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenij. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki*, no 3 (55), pp. 92–99 (in Russian).
- Zalivanskiy B. V., Samokhvalova E. V., Polukhin O. N. (2021) Vospriyatie masshtabov rasprostraneniya korruptsii regional'nym soobshchestvom [Perception of the Scale of Corruption by the Regional Community]. *Vlast' = Vlast'*, vol. 29, no 6, pp. 112–117 (in Russian).

Received: June 4, 2023

Citation: Fedotov D., Inkizhino S., Shkurin D. (2024) Izmerenie korruptsii v Irkutskoy oblasti: sotsiologicheskii podkhod [Measuring Corruption in the Irkutsk Region: A Sociological Approach]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 25, no 3, pp. 123–159. doi: [10.17323/1726-3247-2024-3-123-159](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2024-3-123-159) (in Russian).